

Общая точка зрения на психологию сновидения

Сновидение — это психическое образование, которое, в противоположность обычным содержаниям сознания (их форме и объему их значений), находится как бы вне континуальности развития этих самых содержаний. Во всяком случае сновидение, как правило, предстает не как интегрированный компонент сознательной жизни души, а скорее как нечто внешнее, чуть ли не как случайное переживание. Причины такого исключительного положения сновидения лежат в его особенном способе возникновения: оно не происходит, подобно другим содержаниям сознания, из явственно видимой, логической и эмоциональной континуальности пережитого; сновидение — рудимент той психической деятельности, которая имеет место во время сна. Уже этот способ возникновения изолирует сновидение от прочих содержаний сознания, но еще более обособляет сновидение от них его своеобразное содержание, которое находится в разительном контрасте с сознательным мышлением.

Внимательный наблюдатель, однако, без труда обнаружит, что сновидение все же не полностью выпадает из континуальности сознания, так как почти в каждом сновидении можно отыскать известные детали, порожденные впечатлениями, мыслями, настроениями этого или предыдущих дней. В этом отношении некоторая континуальность существует, но только в **обратном направлении**. Ни от кого, посвятившего свой живой интерес проблеме сновидений, не ускользнет тот факт, что сновидение обладает также континуальностью, направленной **вперед** (если позволительно такое выражение), ибо время от времени сновидения оставляют после себя приметное влияние на сознательную жизнь духа даже у тех лиц, которых никак нельзя рассматривать как суеверных и уж тем более как ненормальных. Эти встречающиеся иногда последствия сновидений состоят преимущественно в более или менее отчетливых колебаниях настроения.

По-видимому, благодаря этой столь зыбкой сцепленности сновидения с прочими содержаниями сознания, оно является — что касается его припоминания — чрезвычайно лабильным образованием. Многие сновидения ускользают от воспроизведения тотчас после пробуждения; некоторые же поддаются воспроизведению, но надежность последних крайне сомнительна; и лишь относительно небольшое число сновидений может быть с определенностью охарактеризовано как воспроизведенные ясно и точно. Этот своеобразный стопор (относительно воспроизведения) можно понять, исходя из качества той переплетенности представлений, которая выступает в сновидении. В отличие от логически направленной поступи, которую мы, скорее всего, рассматриваем как особую характерную черту сознательного духовного процесса, переплетенность представлений в сновидении является по существу своему фантастической; этот род ассоциаций поставляет нам взаимосвязи, которые, как правило, совершенно чужды реальному мышлению.

Именно этому характеру сновидение обязано своим вульгарным эпитетом "бессмысленное". Однако прежде чем высказать данный приговор, мы должны подумать: не есть ли сновидение и его взаимосвязи нечто такое, чего **мы** не понимаем. Скорее всего мы просто всего лишь проецируем наше непонимание на объект. Однако вряд ли это противоречит тому, что сновидению присущ некий своеобразный смысл.

Если не считать стараний, возраст которых измеряется тысячелетиями, предписывать сновидениям пророческий смысл, то открытие Фрейда является практически первой попыткой вникнуть в смысл сновидений; попыткой, за которой никак нельзя не признать атрибута "научности", потому что этот исследователь предложил методику, про которую не только он сам, но и многие другие исследователи утверждают, что она ведет к цели, а именно к постижению смысла сновидения; смысла, который не идентичен фрагментарным

намекам на смысл в манифестируемом содержании сновидения.

Здесь не место для критической полемики с фрейдовской психологией сновидений. Напротив, я постараюсь вкратце изложить то, что сегодня нам следует рассматривать в качестве более или менее достоверных благоприобретений.

Прежде всего нам следует задаться вопросом: почему мы вообще взяли на себя право приписывать сновидению какой-то иной смысл, нежели тот неудовлетворительный и фрагментарный, который манифестируется в образах сновидения? Особенно веским аргументом в этом отношении является тот факт, что Фрейд **эмпирически, а не дедуктивно** нашел скрытый смысл сновидения. Дальнейший аргумент в пользу какого-то скрытого, неманифестируемого смысла сновидения дает нам сравнение фантазий сновидения с прочими фантазиями (в бодрствующем состоянии) у одного и того же индивида. Совсем нетрудно уразуметь, что такие фантастические грезы имеют не только поверхностный, конкретизированный, но и глубокий психологический смысл. Исключительно ради краткости я не прилагаю здесь обстоятельного материала, ответственность за что беру на себя. Однако я хотел бы привлечь внимание к тому, что весьма древний и широко распространенный тип фантастического повествования — характерный, к примеру, эзоповским басням о животных — хорошо иллюстрирует то, что можно сказать о смысле фантазий. Так, например, рассказывается какая-нибудь фантазия о деяниях льва и осла. Конкретный поверхностный смысл повествования представляет собой невероятный фантазм, но моральный смысл, сокрытый в нем, очевиден каждому, кто способен призадуматься. Характерно, что дети могут довольствоваться экзотерическим смыслом басни и радоваться ему.

Отменный аргумент (помимо упомянутого) в пользу существования скрытого смысла сновидения дает нам добросовестное применение технического приема по развязыванию манифестируемого содержания сновидения. Тем самым мы переходим ко второму главному пункту, а именно к вопросу об аналитическом способе обхождения. Однако и тут я не хотел бы ни защищать, ни критиковать воззрения и открытия Фрейда, а ограничусь только тем, что мне представляется достоверным. Если мы исходим из того факта, что сновидение есть некое психическое образование, то мы не имеем по меньшей мере повода предполагать, что конституция и предназначение этого образования подчиняется иным законам и намерениям, нежели какое-нибудь иное психическое образование. Согласно положению "*Principia explicandi praeter ne-cessitatem non sunt multiplicanda*"¹, мы должны так же аналитически обращаться со сновидением, как с любым иным психическим образованием, пока опыт (гласящий нечто совершенно другое) не вразумит нас обратиться к чему-то лучшему.

1 Не следует увеличивать количество принципов объяснения помимо необходимых (лат.).

Мы знаем, что всякое психическое образование, рассмотренное с каузальной точки зрения, является результирующей предшествующих психических содержаний. Далее. Мы знаем, что всякое психическое образование, рассмотренное с финальной точки зрения, имеет своеобразный смысл и цель в актуальном психическом событии. Это должно служить мерилom и для сновидений. Итак, если мы хотим объяснить сновидение психологически, то должны прежде всего узнать, какие из предыдущих переживаний вошли в его содержание. Поэтому мы прослеживаем каждый кусочек сновидения в его antecedentes. Приведу один пример. Пусть кому-то снится, что **он идет по улице, перед ним вприпрыжку бежит ребенок, который внезапно попадает под автомобиль.**

Мы редуцируем этот образ сновидения с помощью воспоминаний сновидца к antecedentes. Он узнает улицу как некую знакомую ему улицу, по которой проходил накануне. В ребенке он узнает ребенка своего брата, которого видел, посетив брата минувшим вечером. Несчастный случай с автомобилем напоминает аварию, которая фактически имела место несколькими днями раньше и о которой он читал только в газете. Как известно, вульгарное суждение довольствуется такой редукцией. Говорят: "Ах, вот почему мне это приснилось".

Само собой разумеется, что с научной точки зрения такая редукция совершенно никуда не годится. Ведь сновидец накануне прошел по многим улицам, но почему его сновидение выбрало именно эту улицу? Сновидец читал о многих несчастных случаях, но почему он выбрал именно этот? Обнаружение одного antecedenta таким образом не привело ни к чему удовлетворительному, потому что только конкуренция нескольких причин может дать убедительную детерминацию образов сновидения. Дальнейшая инвентаризация материалов осуществляется согласно тому же самому принципу припоминаний, который обозначается как **метод наитий**. Такая опись, как легко понять, дает в результате чрезвычайно обширный и отчасти гетерогенный материал, который, по-видимому, имеет только то общее, что обнаруживает себя как ассоциативно связанный с содержанием сновидения, — иначе его нельзя было бы репродуцировать из содержания сновидения.

Теперь встает технически важный вопрос: как далеко может заходить эта опись материала? Поскольку в душе в конечном счете можно развернуть всю жизнь, начиная с любого пункта, то теоретически возможно описать все предшествующее содержание жизни, отправляясь от всякого сновидения. Но мы нуждаемся ровно в том материале, который нам, безусловно, необходим для понимания смысла сновидения. Ограничение материала, само собой разумеется, есть произвольный, третьейский процесс — согласно постулату Канта, по которому понимание есть не что иное, как познание **в той мере, в какой это нам достаточно для нашего намерения**¹. Если мы, к примеру, описываем причины французской революции, то можем включить в опись материалов не только историю средневековой Франции, но также греческую и римскую истории, что, конечно же, "для нашего намерения" совсем не является "необходимым", потому что столь же исчерпывающе историю возникновения этой революции можно понять и на более ограниченном материале. Поэтому мы продолжаем опись материалов к сновидению до тех пор, пока нам это кажется необходимым для того, чтобы можно было получить из сновидения смысл, годный для использования.

1Cp. Einleitung zu: Die Logik. P. 377

Сбор материалов лежит вне произвола исследователя вплоть до упомянутого третьейского ограничения. Собранный материал должно теперь подвергнуть процессу просеивания, а именно проработке, принцип которой применяется при каждом анализе того или иного исторического, да, впрочем, и любого опытного материала. Речь здесь идет о научном сопоставительном методе, который, естественно, работает не автоматически, а зависит от сноровки исследователя и в значительной мере от его намерения.

Если нужно объяснить некоторую психологическую фактуру, то следует помнить о том, что все психологическое требует двойного способа рассмотрения, а именно **каузального** и **финального**. Я намеренно говорю о финальном, дабы избежать смешения с понятием, заимствованным из теологии. Финальностью я хотел бы обозначить только имманентную психологическую устремленность к цели. Вместо "целеустремленность" можно также говорить о "целе-смысле". Подобный смысл присущ всем психологическим феноменам, даже только реактивным, таким, например, как эмоциональные реакции. Гнев, вызванный оскорблением, имеет целе-смысл в мести; выставленный напоказ траур — в возбуждении сострадания у окружающих.

В той мере, в какой мы применяем каузальный способ рассмотрения применительно к материалу (сбранному к сновидению), мы редуцируем манифестируемое содержание сновидения к определенным базовым тенденциям и к основным мыслям, представленным этим материалом. Эти тенденции и мысли как таковые, конечно же, по природе своей суть элементарные и всеобщие. Один юный пациент видел, например, следующий сон:

"Я стою в чужом саду и срываю с дерева яблоко. Я осторожно озираюсь и смотрю, не увидел ли кто меня".

Материал к сновидению: воспоминание о том, как однажды он, будучи еще мальчиком, сорвал в каком-то чужом саду без разрешения несколько груш. Ощущение угрызений совести, которое особенно подчеркивается в сновидении, напоминает ему ситуацию

накануне. Он встретил на улице известную, но достаточно безразличную ему молодую даму и перебрался с ней несколькими словами. В тот момент мимо них прошел один его знакомый, и тут его внезапно охватило удивительное чувство замешательства, как если бы у него была нечистая совесть. По поводу яблок в голову ему приходит эпизод о райских яблоках и тот факт, что он, собственно говоря, никогда не понимал, почему вкушение запретного плода повлекло за собой такие скверные последствия для наших прародителей. Он всегда сердился из-за тогдашней несправедливости Бога, потому что Бог сам создал людей такими, какие они есть, со всяческим их любопытством и похотливыми вожделениями.

Далее ему пришел на ум отец, который также неоднократно наказывал его за что-то, непостижимое для него. Самым жестоким было наказание после того, как его однажды поймали подглядывавшим за девушками во время купания. За всем этим следует признание, что он недавно начал, но еще не довел до естественного конца любовную историю с одной горничной. Накануне сновидения он имел с ней *rendez-vous*.

Если мы окинем взглядом эти материалы, то увидим, что настоящее сновидение имеет весьма прозрачное отношение к событию, происшедшему накануне. Сцена с яблоком указывает — посредством связанного с ним ассоциативного материала, — что она, очевидно, понимается как эротическая сцена. На основании всевозможных других причин следовало бы счесть также вполне правдоподобным, что переживание, имевшее место накануне, продолжает оказывать влияние и в сновидении. В сновидении молодой человек срывает райское яблоко, которое в действительности он еще не сорвал. Прочий материал, ассоциированный к сновидению, занят другим происшествием, также случившимся накануне, а именно своеобразным чувством **угрызений совести**, которое охватило сновидца, когда он разговаривал с безразличной ему молодой дамой, затем с грехопадением в раю и в завершение — с эротическим грехом своего детства, за которое отец его строго наказал. Эти ассоциации вращаются в направлении **вины**.

Прежде всего мы хотим применить фрейдовский каузальный способ рассмотрения к данному материалу, т. е. мы намерены, как выражается Фрейд, и "растолковать" это сновидение. День в канун сновидения оставил после себя некое, недоведенное до конца желание. Это желание исполняется в сновидении посредством символа "сцены с яблоком". Почему это исполнение оказывается завуалированным, т. е. осуществляется в символической форме, а не в виде ясной сексуальной мысли? Фрейд укажет на момент вины, признанный в этих материалах, и скажет: мораль, навязанная молодому человеку с детства и стремящаяся подавить подобные желания, есть именно то, что накладывает отпечаток чего-то мучительного и непереносимого на естественные домогательства и позывы.

Поэтому вытесненная мучительная мысль может проявиться только "символически". Так как эти мысли непереносимы для морального содержания сознания, то некая психическая инстанция, предложенная Фрейдом и названная **цензурой**, следит за тем, чтобы это желание не вступило в сознание в незавуалированном виде.

Финальный способ рассмотрения сновидения, который я противопоставляю фрейдовскому воззрению, означает — что я хотел бы категорически подчеркнуть — не отрицание причины сновидения, а лишь некую интерпретацию материалов, собранных к сновидению. Сами факты, а именно материалы, остаются теми же самыми, однако масштаб, которым они измеряются, совершенно другой. Вопрос можно сформулировать следующим образом: чему служит это сновидение? Какое действие оно должно произвести? Такая постановка вопроса совершенно не произвольна, поскольку она применима ко всякой психической деятельности. Повсюду можно вопрошать: почему? зачем? — ибо всякое органическое образование состоит из замысловатого устройства целесообразных функций и всякая функция в свою очередь разложима на ряд целесообразно ориентированных единичных фактов.

Ясно, что к эротическому переживанию предшествующего дня прилагается (посредством сновидения) материал, который в первую очередь подчеркивает момент вины

во всяком эротическом поступке. Та же самая ассоциация оказалась действенной и при совершенно другом переживании того же дня, а именно при встрече с индифферентной дамой, так как и там проявилось чувство угрызания совести, причем автоматически и неожиданным образом, как если бы молодой человек и там совершил нечто несправедливое. Это переживание берет на себя в сновидении заглавную роль и еще более там усиливается посредством ассоциаций и соответствующих обширных материалов, ибо эротическое переживание предшествующего дня изображается в форме грехопадения в рай, которое было столь тяжело наказано.

Тут я говорю: у сновидца наличествует некая бессознательная склонность или тенденция представить самому себе свое эротическое переживание как вину. Характерно то, что в сновидении следует ассоциация грехопадения, в отношении которого молодой человек никогда не мог понять, почему за него было воздано столь драконовское наказание. Эта ассоциация проливает свет на причины, почему сновидец не просто подумал: "То, что я делаю — неверно". Очевидно, ему неизвестно, что он хотел было отвергнуть свой эротический поступок как морально негодный. На самом деле так оно и есть. Сознательно он полагает, что его поведение морально совершенно индифферентно, ведь все его друзья делают то же самое: к тому же он и по совершенно другим причинам был не в состоянии постичь, почему вокруг этого поднимают так много шума.

Считать это сновидение полным смысла или бессмысленным — вопрос крайне значимый и лежащий в основе другого, а именно является ли точка зрения на мораль, переданная нам из седой старины, полной смысла или бессмысленной. Я не намерен вдаваться здесь в философскую дискуссию по этому вопросу, но только замечу, что человечество, очевидно, имело вполне убедительные причины для того, чтобы изобрести эту мораль, иначе воистину нельзя было бы уразуметь, почему оно выстраивало такие барьеры и препоны супротив одного, самого сильного вожделения. Воздав должное данному факту, нам следует теперь объяснить наше сновидение как осмысленное, ибо оно воочию являет молодому человеку известную необходимость взглянуть на свой эротический поступок просто с точки зрения морали. Племена, стоявшие на примитивной ступени развития, нередко имели чрезвычайно строгие сексуальные установления. Этот факт доказывает, что сугубо сексуальная мораль есть фактор, который нельзя недооценивать в свете более высоких душевных функций, поэтому он заслуживает того, чтобы его полностью принимали в расчет. Что касается данного случая, то можно было бы сказать, что молодой человек, загипнотизированный примером своих друзей, как-то необдуманно поддался своему эротическому вожделению, не памятуя о том, что человек является и морально ответственным существом, причем мораль создана им же самим, и что он — добровольно или вынужденно — склоняется перед своим собственным творением.

В этом сновидении мы можем распознать некую уравнивающую функцию бессознательного, которая состоит в том, что именно те помыслы, склонности и тенденции человеческой личности, которые в сознательной жизни проявляются слишком слабо, выступают в состоянии сна в виде намека, так как процессы сознания в значительной мере выключены.

Можно, конечно, подбросить вопрос: что за польза в том сновидцу, если он все равно не понимает сновидения?

На это я должен заметить, что понимание не есть исключительно интеллектуальный процесс, ибо, как показывает опыт, несчетное множество вещей влияет на человека и может даже убедить его в чем-то, и весьма действенным образом, оставаясь при этом интеллектуально непонятными. Напомню только о действенности религиозных символов.

После приведенного здесь примера, вероятно, легко прийти к мысли, что функцию сновидений следовало бы понимать именно как "моральную". Это выглядит особенно доказательно в случае только что приведенного примера, однако если мы припомним формулу, согласно которой сновидения содержат всегда сублиминальные материалы, то уже нельзя говорить об одной "моральной" функции. Следует обратить внимание на то, что

именно сновидения людей, ведущих себя в моральном отношении безупречно, выносят на свет божий материалы, которые должно охарактеризовать как "аморальные" в обыденном смысле этого слова. Очень характерно: бл. Августин радовался, что Бог не возлагает на него ответственность за его сновидения. Бессознательное есть то, что в данный момент неизвестно, и потому неудивительно, что сновидение прилагает к соответствующей психологической ситуации все те аспекты, которые были бы существенными при рассмотрении с совершенно иной точки зрения. Очевидно, эта функция сновидения означает психологическое балансирование, некое выравнивание, которое, безусловно, требуется для упорядоченного действия. Как непременным условием в процессе сознательного обдумывания является умение ясно представлять себе по возможности все стороны и последствия какой-то проблемы (для того чтобы найти правильное решение), точно так же и тот процесс автоматически продолжается в более или менее лишенных осознания состояниях сна, где, как это представляется на данный момент согласно опыту, все те же самые точки зрения, которые днем не были достаточно учтены или которым вовсе не было воздано должное (т. е. те, которые были относительно бессознательными), обрушиваются на спящего, хотя и в виде намеков.

Что же касается **символизма** сновидений, вызвавшего большую дискуссию, то его оценки сильно расходятся в зависимости от того, с каузальной или финальной точек зрения рассматриваются сновидения. Фрейдовский каузальный способ рассмотрения исходит из вожделения, т. е. из вытесненного желания сновидения. Это вожделение всегда является относительно простым и элементарным, хотя может быть завуалировано самыми разнообразными покровами. Так, в вышеприведенном примере молодому человеку могло бы присниться с равным успехом, что он открывает ключом дверцу, что он летит на аэроплане, что он целует свою мать и т. д. С этой точки зрения все это могло бы иметь одно и то же значение. Такой узкий путь фрейдовской школы, — если привести вопиющий пример, — привел к тому, что объясняет почти все удлинённые предметы в сновидении как фаллические, а все округлые или полые предметы — как женские символы.

При финальном способе рассмотрения все образы сновидения имеют своеобразную внутреннюю значимость. Если, к примеру, молодому человеку вместо сцены с яблоком приснилось бы, что он открывает ключом дверцу, то обнаружился бы — соответственно измененному образу сновидения — существенно иной ассоциативный материал, который дополнил бы сознательную ситуацию совершенно иным образом, нежели материал, связанный со срыванием яблок. С этой точки зрения вся полнота смысла лежит именно в разнообразии символических выражений сновидения, а отнюдь не в их однозначности. Каузальный способ рассмотрения, согласно своей природе, склоняется к однозначности, т. е. к жесткому значению символа. Финальный способ рассмотрения, напротив, усматривает в изменяющемся образе сновидения выражение некой изменяющейся психологической ситуации. Он не признает никакого жесткого значения символа. С этой точки зрения образы сновидения важны сами по себе, потому что именно в самих себе они несут то значение, ради которого они вообще появляются в сновидении. Если мы остановимся на приведенном выше примере, то увидим, что с финальной точки зрения символ сновидения имеет, скорее, значение притчи; он не покрывает вуалью, а скорее поучает. Сцена с яблоком отчетливо напоминает о моменте вины и одновременно приглушает деяние прародителей.

В зависимости от точки зрения на способы рассмотрения мы достигаем, как явственно видно, совершенно различного понимания смысла сновидения. Спрашивается теперь, какое понимание лучше и правильнее. То, что мы должны иметь в общем-то одно понимание, для нас, терапевтов, есть необходимость прежде всего практическая, а не теоретическая. Если мы хотим лечить наших пациентов, то должны стараться овладеть средством — и по совершенно конкретным причинам — которое дало бы нам возможность действительно воспитывать больного. Из приведенного выше примера совершенно определенно явствует, что сбор материала к сновидению развернулся в вопрос, который вполне пригоден для того, чтобы открыть молодому человеку глаза на многое, мимо чего он прежде проходил не

задумываясь. Однако проходя мимо всего этого, он уходил и от самого себя, потому что он, как и всякий другой человек, обладает моральной критичностью и моральной потребностью. Поэтому, когда он пытается жить, не принимая во внимание это обстоятельство, то живет односторонне и несовершенно, так сказать, некоординированно, что для психологической жизни имеет те же последствия, что и односторонняя и несовершенно диета для тела. Для того чтобы воспитать индивидуальность в ее полноте (совершенстве) и самостоятельности, мы нуждаемся в ассимиляции всех тех функций, которые до сих пор либо чересчур малы, либо вовсе не достигли сознательного расцвета. Для выполнения этой цели мы должны — по терапевтическим причинам — приступить ко всем тем бессознательным аспектам, которые поставляют нам материалы сновидений. Поэтому совершенно ясно и прозрачно, что именно финальный способ рассмотрения предвещает на практике большую помощь в индивидуальном воспитании.

Естественнонаучному духу нашего времени, который мыслит строго каузалистически, каузальное рассмотрение много милее и ближе. То же касается естественнонаучного объяснения психологии сновидений, где фрейдовский каузальный способ рассмотрения, вероятно, поэтому берет на себя столь много. Однако я вынужден оспаривать его безусловное преимущество, потому что психику нельзя понимать только каузально, требуется также и финальное рассмотрение. Лишь объединение обеих точек зрения (что на сегодняшний день еще не осуществимо в подобающей мере в научном смысле из-за имеющих место аномальных трудностей как теоретического, так и практического характера) в состоянии дать нам более полное постижение сущности сновидения.

Теперь я хотел бы вкратце обсудить более широкие проблемы психологии сновидений, которые лежат как бы в стороне от принятого хода изложения проблемы сновидений. Прежде всего это вопрос **классификации сновидений**. Я не хотел бы слишком завышать значение данного вопроса как практического, так и теоретического. Ежегодно я обрабатываю от 1500 до 2000 сновидений, и, имея такой опыт, я, по всей видимости, вправе констатировать, что на самом деле существуют типичные сновидения. Однако они не столь часты и при финальном способе рассмотрения немало теряют от той значимости, которую они имели бы при каузальном понимании (если бы под этим иметь в виду раз и навсегда установленное значение символа). Мне кажется, что типичные мотивы сновидения имеют большую важность, потому что именно они позволяют проводить сравнение с мифологическими мотивами. Многие из подобных мифологических мотивов, в установлении которых несомненная заслуга принадлежит Фробениусу, обнаруживают себя также в сновидениях многих людей, и часто в точности с тем же самым значением. Ограниченное пространство статьи не позволяет мне, к сожалению, представить подробный материал. Он имеется в другом месте. Однако я должен подчеркнуть, что сравнение типичных мотивов с мифологическими мотивами наводит на раздумье, что мышление сновидения следует понимать как филогенетически более древний вид мышления вообще, — это уже сделал Ницше. Что под этим понимается, лучше всего показывает — вместо многих других примеров — упомянутый ранее пример сновидения. Как мы помним, сновидение прибегло к сцене с яблоками в качестве некоего типичного репрезентанта эротической вины. Абстрагированная отсюда мысль, вероятно, должна была бы звучать так: "Я поступаю несправедливо, действуя таким образом". Характерно, что сновидение почти никогда не выражается таким логически абстрактным способом, а всегда в виде параболы или притчи. Это своеобразие выражения есть одновременно характерная черта примитивных языков, цветистые обороты речи которых нас всегда поражают. Если мы вспомним памятники древней литературы, например, притчи Библии, то обнаружим, что то содержание, которое сегодня мы тщимся выразить посредством абстракции, достигалось в былые времена путем притч. Даже такой философ, как Платон, не преминул выразить некоторые основополагающие идеи путем притч.

Подобно тому, как наше тело несет в себе следы своего филогенетического развития, такие следы хранит и человеческий дух. Поэтому возможность того, что язык притчи наших

сновидений есть архаический реликт, вовсе не должна приводить в изумление.

Одновременно и кража яблок в нашем примере есть один из типичных мотивов сновидения, который вновь и вновь возвращается в самых различных вариациях во многих сновидениях. Точно так же этот образ является хорошо известным мифологическим мотивом, который встречается не только в библейском повествовании о рае, но помимо этого и в бесчисленных мифах и сказках всех времен и народов. Это один из всеобщих человеческих образов, которые могут вновь и вновь автохтонно являться каждому и в любое время. Таким образом психология сновидений открывает нам путь к всеобщей сравнительной психологии, от которой мы ожидаем получить такое же понимание в отношении развития и структуры человеческой души, коим нас одарила сравнительная анатомия в отношении человеческого тела. Итак, сновидение сообщает нам языком притчи, т. е. в чувственно-наглядном изображении, те мысли, суждения, воззрения, директивы и тенденции, которые остались бессознательными либо по причине вытеснения, либо просто из-за неведения. Так как все это суть содержание бессознательного и так как сновидение есть дериват бессознательных процессов, то в сновидении содержится именно изображение этих самых бессознательных содержаний. Однако не существует изображения бессознательных содержаний вообще, а только определенных содержаний, именно тех, которые ассоциативно привлечены и выбраны *momentane* положением сознания. Я считаю данную констатацию чрезвычайно важной для практики. Если мы хотим правильно истолковать некое сновидение, то нам необходимо основательное знание этого *momentanen* положения сознания, потому что сновидение содержит в себе бессознательные к нему дополнения, как раз тот материал, который именно вследствие этого *momentane* положения сознания оказался констеллированным в бессознательном. Без этого знания невозможно правильно и исчерпывающе растолковать сновидение, если не считать, конечно, случайных совпадений. Я хотел бы для иллюстрации сказанного привести пример.

Как-то ко мне пришел некий господин на первую консультацию. Он объяснил, что имеет всяческие научные пристрастия и в том числе он очень интересуется психоанализом, но с литературной точки зрения. Он совершенно здоров и потому его никак нельзя рассматривать в качестве пациента. Он преследует лишь психологический интерес. Он достаточно состоятелен и к тому же имеет много свободного времени, чтобы заниматься всем, чем угодно. Он хочет познакомиться со мной для того, чтобы я ввел его в теоретические тайны психоанализа. Конечно же, для меня не представляет ровно никакого интереса заниматься с совершенно нормальным человеком, потому что "двинутый" представляет для меня куда больший интерес. Несколькими днями раньше он написал мне и спрашивал, когда я смогу бы его принять. В ходе ненапряженной беседы мы вскоре подошли вплотную к вопросу о сновидениях. Я решился задать вопрос, видел ли он ночью, накануне прихода ко мне, какое-нибудь сновидение. Он ответил утвердительно и рассказал следующее сновидение:

"Я в голой и пустой комнате, кто-то вроде медсестры принимает меня и хочет принудить сесть за стол, на котором стоит бутылка кефира, который мне предстоит выпить. Я же хочу видеть д-ра Юнга, но сестра говорит мне, что я в госпитале и что у д-ра Юнга нет времени меня принять".

Уже из манифестируемого содержания сновидения явствует, что ожидание визита ко мне как-то констеллировало его бессознательное. Получены следующие наития. К пустой комнате: "Что-то вроде холодной приемной, какая бывает в официальном учреждении или в больничном приемном покое. Я никогда не был в больнице в качестве пациента". К медсестре: "Она выглядела отвратительно, она косила. Мне приходит на ум одна картежная гадалка и хиромантка, которую я как-то посетил с тем, чтобы она мне предсказала будущее. Я тогда болел и за мной ухаживала одна дьяконица". К бутылке кефира: "Кефир — что-то тошнотворное; я не могу его пить. Моя жена всегда пьет кефир, за что я над ней издеваюсь, потому что у нее сплин и она полагает, будто всегда нужно что-то делать для своего здоровья. Сейчас мне пришла в голову мысль, что однажды я был в санатории — по поводу

нервов — и там я должен был пить кефир".

Тут я перебил его не вполне учтивым вопросом, исчез ли с тех пор его невроз полностью. Он попытался выкрутиться, но в конце концов должен был признаться, что все еще имеет невроз и что, собственно говоря, жена уже давным-давно понуждала его проконсультироваться у меня. Однако он чувствует себя вовсе не таким уж нервным, чтобы была необходимость консультироваться у меня, он ведь совсем не помешан, а я лечу только сумасшедших. Он же был заинтересован лишь тем, чтобы познакомиться с моими психологическими теориями и т. д.

Из этого материала явствует, сколь искаженно и превратно пациент представлял себе данную ситуацию; это, видите ли, потакало его вкусу — предстать передо мной в качестве философа и психолога, отодвинув при этом на задний план факт своего невроза. Однако сновидение напоминает ему об этом очень неприятным способом и понуждает к правде. Он должен проглотить эту горькую пилюлю. Гадалка обнаруживает, как он, собственно, представлял себе мою деятельность. Как свидетельствует сновидение, ему нужно сначала подвергнуться лечению, прежде чем он сумеет дорасти до меня.

Сновидение очищает и исправляет ситуацию. Оно присовокупляет к ней то, что также сюда относится, и благодаря этому улучшает установку. В этом состоит причина, почему мы при терапии нуждаемся в анализе сновидений.

Мне, разумеется, не хотелось бы, чтобы этот пример произвел впечатление, будто все сновидения столь же просты, как и это, или будто все сновидения принадлежат к тому же самому типу. По моему мнению, все сновидения и вправду являются компенсаторными в отношении к содержаниям сознания, однако далеко не во всех сновидениях компенсаторная функция выступает на свет Божий столь отчетливо, как в этом примере. Хотя сновидение вносит свой вклад в психологическое саморегулирование автоматически, привнося с собой все вытесненное или оставленное в небрежении, или неведомое, но все же его компенсаторное значение далеко не часто становится ясным воочию, потому что мы обладаем еще очень несовершенным познанием о сущности и потребностях человеческой души. Существуют психологические компенсации, которые, как представляется, простираются очень далеко. В этих случаях всегда необходимо помнить о том, что каждый человек в некотором смысле репрезентирует все человечество и всю его историю. И то, что в истории человечества было возможно в чем-то большом, возможно также в каждом отдельном человеке в чем-то малом. То, что было потребно человечеству, нужно в некоторых случаях и каждому человеку в отдельности. Поэтому неудивительно, что в сновидениях большую роль играют религиозные компенсации. И то, что именно в наше время это проявляется в увеличенном размере, есть естественное следствие господствующего материализма нашего мировоззрения.

То, что компенсаторное значение сновидений не является ни новым изобретением, ни искусственным явлением, порожденным умышленной интерпретацией, следует из древнего, хорошо известного примера сновидения царя Навуходоносора в 4-й гл. Книги Пророка *Даниила* (7-13): Царь Навуходоносор, находясь в зените своего могущества, видел следующий сон:

"7. Видения же головы моей на ложе моем были такие: я видел, вот, среди земли дерево весьма высокое. 8. Большое это было дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. 9. Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть. 10. И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святой. 11. Воскликнув громко, Он сказал: "Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; 12. Но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росой, и с животными пусть будет часть его в траве земной. 13. Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь

времен".

Во второй части сновидения персонифицируется дерево, так что легко можно узреть, что большое дерево есть сам видящий сновидение царь. Даниил толкует это сновидение соответственно. Смыслом сновидения является несомненно что-то вроде попытки компенсировать безумие цезаря, которое, согласно свидетельству Библии, затем перешло в настоящее духовное расстройство. Понимание сновидения как компенсаторного процесса вообще-то соответствует, согласно моему взгляду, сущности биологического процесса вообще. Фрейдовское понимание движется в том же направлении, ибо и там сновидению порою приписывается компенсаторная роль, именно в отношении поддержания сна. Существует, как указывал Фрейд, много сновидений, которые поясняют, каким образом определенные раздражения, пригодные к тому, чтобы вырвать сновидца из состояния сна, изворачиваются и тем самым способствуют намерению продолжать спать, соответственно желанию не допустить нарушений сна. Также имеются бесчисленные сновидения, в которых, как опять же засвидетельствовал Фрейд, интрапсихические нарушающие возбуждения (как, например, появление личностных представлений), способные развязать сильные аффективные реакции, искажаются точно таким же образом, — они включаются в некую взаимосвязь сновидения, которая заслоняет мучительные представления в такой мере, что сильное подчеркивание аффекта становится невозможным.

Однако никак нельзя упустить из виду тот факт, что это суть именно те сновидения, которые более всего нарушают сон; бывают даже сновидения — и их немало — драматическое построение которых, так сказать, логически нацелено на самую аффективную ситуацию, и она поэтому порождается в таком охвате и полноте, что безусловно пробуждает сновидца. Фрейдовское понимание объясняет такие сновидения тем, что цензуре уже более не удастся подавлять мучительный аффект. Мне кажется, что такое объяснение не является верным. Всем известны случаи, когда сновидения демонстративно занимаются мучительными переживаниями или представлениями из повседневной жизни самым что ни на есть каверзным способом и выставляют на обозрение с мучительной ясностью как раз более всего те мысли, которые вызывает расстройство. По моему мнению, здесь было бы неправомерно говорить о такой функции сновидения, как охрана сна и завуалирование аффекта. В таких случаях пришлось бы все поставить с ног на голову, если бы захотели выискать в них подтверждение в пользу ранее упомянутого воззрения. То же самое справедливо и в отношении тех случаев, где вытесненные сексуальные фантазии выступают в неприкрытом виде в манифестируемом содержании сновидения.

Поэтому я пришел к мнению, что фрейдовское понимание (будто сновидения имеют функции по исполнению желаний и охране сна) является слишком ограниченным, хотя основная мысль о биологической компенсаторной функции, несомненно, является верной. Эта компенсаторная функция лишь в ограниченной мере имеет дело с самим состоянием сна, ее главное значение, однако, имеет касательство к сознательной жизни. **Сновидения ведут себя компенсаторно по отношению к положению сознания во всякий момент.** Они поддерживают, если возможно, сон, но делают это поневоле и автоматически под влиянием состояния сна; однако они нарушают его, если этого требует их функция, т. е. если компенсаторные содержания столь интенсивны, что им под силу прервать сон. Компенсаторное содержание является особенно интенсивным, если оно имеет витальное значение для сознательной ориентации.

Уже в 1906 году я указал на компенсаторное отношение между сознанием и отколовшимися комплексами, а также подчеркнул целесообразный характер последних¹. То же самое сделал и Флурнау, независимо от моих взглядов². Из этих наблюдений следует возможность существования бессознательных импульсов, ориентированных на цель. Стоит, однако, подчеркнуть, что финальная ориентация бессознательного ни в коем случае не идет параллельно с сознательными намерениями; как правило, бессознательное содержание контрастирует даже с содержанием сознания, что имеет место особенно в том случае, когда сознательная установка движется исключительно в каком-то строго определенном

направлении, грозящем стать опасным для витальных нужд индивида. Чем более удаляется сознательная установка от оптимума жизненной возможности и чем более она становится односторонней, тем скорее наличествует возможность того, что появятся живые сновидения с сильно контрастирующим, однако целесообразно компенсирующим содержанием, как выражения психологической саморегуляции индивида. Подобно тому, как тело всегда целесообразно реагирует на инфекцию, ранение или аномальный образ жизни, так и психические функции реагируют на неестественные или угрожающие опасностью нарушения целесообразными защитными средствами. К этим целесообразным реакциям относится, по моему мнению, сновидение: оно снабжает наличное положение сознания бессознательным материалом, который составлен в некоторой символической комбинации и конstellлирован соответственно положению сознания. В этом бессознательном материале находятся все те же ассоциации, которые остались (из-за того, что не были достаточно акцентуированы) бессознательными, но которые, однако, все же обладают достаточной энергией, чтобы дать о себе знать в состоянии сна. Конечно, целесообразность содержания сновидения нельзя заметить непосредственно извне по манифестируемым содержаниям сновидения; требуется анализ манифестируемого содержания сновидения, чтобы добраться до собственно компенсаторных факторов латентного содержания сновидения. Такую же малоприметную, так сказать косвенную, природу имеет подавляющее большинство защитных явлений, целесообразную природу которых можно познать только путем углубленного, проникновенного опыта и точного исследования. Напомню о значении лихорадки и о процессах нагноения в инфицированной ране.

1 Cp. Jung. "Über die Psychologie der Dementia praecox".

2 Flournoy. "Automatisme teleologique antisuicide". P. 113 f.

То обстоятельство, что компенсирующие психические процессы почти всегда имеют весьма индивидуальную природу, значительно затрудняет и доказательство их компенсаторного характера. Так как речь идет (как правило) об индивидуальных процессах, то часто трудно уразуметь прежде всего начинающим в данной области, где и в какой степени некое содержание сновидения имеет компенсаторное значение. Пусть, например, мы готовы принять, что каждый, кто имеет пессимистическую установку к жизни, должен был бы иметь бодрые и оптимистические сновидения (согласно теории компенсации). Это ожидание оправдывается только в отношении того человека, которого такого рода подбадривание могло бы стимулировать в благоприятном смысле. Если же у него иная натура, то сновидения тогда — целесообразно — имеют еще более мрачный характер, чем его сознательная установка. Сновидения могут тут руководствоваться принципом *milia similibus curantur*.

Итак, нелегко установить какие-либо специальные правила для способа компенсации сновидений. Характер компенсации всегда связан интимнейшим образом со всем существом индивида. Возможности компенсации беспредельны и неистощимы, хотя по мере увеличения опыта постепенно все же выкристаллизовываются некоторые основные черты.

Выдвигая компенсаторную теорию, я, конечно же, не хотел бы вместе с тем утверждать, что это одна единственно возможная теория сновидения или что с ее помощью можно объяснить **все** явления из жизни сновидения. Сновидение — чрезвычайно комплексный феномен, столь же усложненный, необъятный, как и феномены сознания. В той мере, в какой неуместным было бы желание понять все без исключения феномены сознания под углом зрения теории исполнения желания или теории влечений, маловероятно и то, что феномены сновидения поддаются столь же простому объяснению. Однако и феномены сновидения мы не можем рассматривать только как компенсаторные или только как вторичные по отношению к содержаниям сознания, хотя, по общепринятому взгляду, сознательная жизнь имеет несравненно большее значение для существования индивида, нежели наше бессознательное. Этот общепринятый взгляд следовало бы все-таки подвергнуть ревизии, ведь по мере накопления опыта углубляется также и понимание того, сколь важна функция бессознательного в жизни психики, функция, о которой мы пока что,

вероятно, не очень высокого мнения. Именно аналитический опыт все больше и больше раскрывает нам влияния бессознательного на сознательную жизнь души — те влияния, существование и значения которых предыдущий опыт упустил и просмотрел. По моему мнению, которое основывается на многолетнем опыте и многочисленных изысканиях, значение бессознательного, вероятно, столь же велико, как и значение сознания для совокупной мощности психики. В том случае, если это мнение справедливо, следовало бы рассматривать не только функцию бессознательного как компенсаторную и относительную для содержания сознания, но также и содержание сознания — как относительное к конstellлированному в данный миг бессознательному содержанию. В этом случае активная не только ориентация на цель и намерение не были бы привилегией сознания, но то же самое было бы правомерно и в отношении бессознательного; тогда бессознательное порою было бы в состоянии, — подобно сознанию — брать на себя время от времени финально-ориентированное руководство. В подходящих случаях и сновидение, соответственно, имело бы тогда значение некой позитивной направляющей идеи или некоего представления цели, которые превосходили бы по витальной значимости *momentan* конstellлированное содержание сознания. С этой, наличествующей, по-моему, возможностью согласуется *consensus gentium*, так как согласно суевериям всех времен и народов сновидения рассматривались в качестве возвещающего истину оракула. Если закрыть глаза на преувеличения и исключения, то подобные общераспространенные представления всегда таят в себе крупицу истины. Мэдер энергично подчеркивал проспективно-финальное значение сновидения в смысле целесообразной бессознательной функции, которая оказывается подготовляющей к решению актуальных конфликтов и проблем и которая пытается представить их при помощи символов¹, выбранных как бы на ощупь.

1Cp. Maeder. " Sur le mouvement psychoanalytique". P. 389 ff. *Über die Funktion des Traumes* S. 692 ff. *Über das Traumproblem*. S. 647

Я хотел бы отличать проспективную функцию сновидений от компенсаторной функции. Последняя означает прежде всего, что бессознательное, рассматриваемое и в качестве относительного к сознанию, причисляет к сознательному положению вещей все те элементы, которые остались подпороговыми с предыдущего дня, — как по причинам вытеснения, так и по причинам того, что они были слишком слабыми и не смогли достичь сознания. Компенсацию — в смысле самоуправления психического организма — можно охарактеризовать как **целесообразную**.

Проспективная функция, напротив, есть появляющаяся в бессознательном антиципация грядущих сознательных достижений, что-то вроде подготовительного упражнения или эскиза, заранее набросанного плана. Его символическое содержание иногда является проектом для решения конфликта, чему Мэдер дает превосходные свидетельства. Фактичность таких проспективных сновидений нельзя отрицать. Было бы неправомерным называть их пророческими, потому что они, собственно говоря, столь же мало пророческие, как и прогноз болезни или погоды. Речь идет только лишь о предварительном комбинировании вероятностей, которое, конечно, в некоторых случаях может также совпадать с действительным положением вещей, однако вовсе не обязательно должно совпадать и согласовываться с ним во всех деталях. Только в этом последнем случае можно, вероятно, было бы говорить о пророчестве. То, что проспективная функция сновидения иногда значительно превосходит сознательное предкомбинирование, неудивительно хотя бы потому, что сновидение исходит из слияния подпороговых элементов, и таким образом оно есть комбинация всех тех восприятий, мыслей и чувств, которые ускользнули от сознания из-за того, что были слабо акцентированы. Кроме того, сновидению на помощь приходят еще подпороговые следы воспоминания, которые не в состоянии более действенно влиять на сознание. Поэтому касательно прогнозирования, сновидение иногда оказывается в намного более благоприятном положении по сравнению с сознанием.

Хотя, согласно моему мнению, проспективная функция есть существенное свойство сновидения, все-таки хорошо бы не переоценивать эту функцию, так как иначе легко можно

поддаться впечатлению, будто сновидение есть что-то вроде психокомписа, который в состоянии придать жизни несомненное и безошибочно точное направление по причине превосходящего знания. Сколь сильно, с одной стороны, недооценивается психологическое значение сновидения, столь сильна опасность (для того, кто занимается психоанализом) переоценить бессознательное в его значении для реальной жизни. Мы имеем право предположить, исходя из нашего предыдущего опыта, что значение бессознательного примерно эквивалентно значению сознания. Несомненно, существуют сознательные установки, над которыми довлеет бессознательное, т. е. эти сознательные установки настолько плохо согласуются с сущностью индивидуальности как некой цельности, что бессознательные установки или их конstellации представляют для этой сущности несравненно лучшее выражение. Однако это не всегда так. Весьма часто оказывается даже, что сновидение только в каком-то фрагменте содействует сознательной установке, потому что в этом случае сознательная установка, с одной стороны, чуть ли не по самой точной мерке приложена и подогнана к реальности и, с другой стороны, она в общих чертах вполне достаточно удовлетворяет сущности индивида. В таком случае было бы неуместным принимать в расчет более или менее исключительную точку зрения сновидения, игнорируя при этом положение сознания; это скорее побудило бы к путанице и разрушению сознательного достижения. Только при определенно неудовлетворительной или дефектной сознательной установке мы имеем право признать за бессознательным высшую ценность. Тот масштаб, который требуется для такого суждения, образует сам по себе очень деликатную проблему. Само собой разумеется, что ценность сознательной установки никогда не может быть измерена, исходя исключительно из коллективно ориентированной точки зрения. Для этого необходимо, скорее, основательное исследование той индивидуальности, которая представляет предмет обсуждения; и только исходя из точного знания индивидуальных характеристик можно решить, в какой мере неудовлетворительной является сознательная установка. Когда я делаю акцент на знании индивидуального характера, то я под этим не имею в виду, что требованиями коллективной точки зрения вообще следовало бы пренебречь. Как известно, индивид ни в коем случае не определяется тем, чем он является сам по себе, но также и посредством своей коллективной отнесенности. Поэтому, если сознательная установка более-менее удовлетворительна, то значение сновидения ограничивается только его компенсаторной функцией. Для нормального человека при нормальных внутренних и внешних условиях это должно быть правилом. По этой причине мне кажется, что теория компенсации дает в общем верную и соответствующую фактам формулу, ибо, что касается самоуправления психического организма, она придает сновидению значение компенсаторной функции.

Если же мы имеем случай, который отклоняется от нормы в том смысле, что сознательная установка как объективно, так и субъективно плохо приспособлена, тогда обычно лишь компенсаторная функция бессознательного приобретает дополнительный вес и возвышается до **направляющей, проспективной функции**, которая оказывается в состоянии совершенно изменить сознательную установку и придать ей иную, лучшую направленность по сравнению с предыдущей, как это прекрасно доказал Мэдер в вышеупомянутых работах. К этой рубрике относятся сновидения типа сновидения Навуходоносора. Совершенно ясно, что подобные сновидения встречаются главным образом у лиц, которые не достигли своего собственного значения. Также совершенно ясно, что такая диспропорция встречается очень часто. Поэтому мы нередко оказываемся в ситуации, когда приходится рассматривать сновидение под углом зрения его проспективной ценности.

Однако теперь нужно принять к рассмотрению еще одну сторону сновидения, которую ни в коем случае нельзя упустить. Существует очень много людей, сознательная установка которых (что касается их приспособления к внешнему миру) нисколько не является дефектной; то же, видимо, касается и выражения их собственного характера. Это люди, обладающие сознательной установкой и успешной приспособляемостью, выходящей за пределы их возможностей, т. е. они кажутся лучше и значительнее, чем они есть на самом

деле. Эта внешняя сверхуспешность, конечно же, покрывается не только за счет одних только индивидуальных средств, но — по большей части — из динамических резервов коллективного внушения. Подобные люди взбираются вверх и достигают более высокой ступени, нежели та, что соответствует их сущности, — например, благодаря действию некоего коллективного идеала, или же соблазняя коллективной пользой, или при поддержке социума. Они, в сущности говоря, внутренне не доросли до своей видимой внешней высоты, поэтому во всех таких случаях бессознательное имеет негативно-компенсирующую, т. е. редуцирующую, функцию. Ясно, что редукция или обесценение при таких обстоятельствах представляет собой такую же компенсацию в смысле самоуправления; ясно также, что эта редуцирующая функция может быть несомненно перспективной. (Ср.: сновидение Навуходоносора.) Мы охотно связываем с понятием "перспективный" воззрение о чем-то сооружающем, подготавливающем или синтетичном. Для того чтобы правильно отнестись к редуцируемым сновидениям, нам следовало бы начисто отделить это воззрение от понятия "перспективный", потому что редуцирующее сновидение имеет действие, которое менее всего является подготавливающим, или сооружающим, или синтетичным; оно, напротив, — разлагающее, развязывающее, обесценивающее, даже разрушающее и избличающее. Вместе с тем, конечно же, нельзя сказать, что эта ассимиляция редуктивного содержания сплошь должна оказывать деструктивное действие на индивида (как нечто цельное), напротив, это действие часто бывает весьма целительным, и именно потому, что оно затронуло только одну установку, а не целую личность. Это вторичное действие, однако, нисколько не изменяет характер сновидения, которое сплошь несет редуцирующий и ретроспективный отпечаток и которое из-за этого никак не может быть обозначено как "перспективное". Поэтому для более точной квалификации крайне рекомендуется обозначать такие сновидения как **редуктивные**, а соответствующую функцию — как **редуцирующую функцию бессознательного** (хотя, в сущности говоря, речь идет все о той же компенсирующей функции). Однако нужно свыкнуться с тем фактом, что бессознательное (как, впрочем, и сознательная установка) вовсе не всегда преподносит нам один и тот же аспект. Бессознательное изменяет свою внешность и свою функцию в той же мере, что и сознательная установка; поэтому создание наглядного представления о сущности бессознательного — предприятие весьма затруднительное.

Редуцирующую функцию бессознательного прояснили нам в первую очередь исследования Фрейда. Его толкование сновидений ограничивается в сущности вытесненной личной и сексуально-инфантильной подоплекой индивида. В последующих изысканиях был переброшен мост к архаическим элементам, т. е. к сверхличностным, историческим, филогенетическим радикалам функций в бессознательном. Поэтому сегодня мы можем с уверенностью сказать, что редуцирующая функция сновидений конструирует некий материал, который по преимуществу состоит из личностных вытеснений инфантильно-сексуальных желаний (Фрейд), инфантильных стремлений к власти (Адлер) и сверхличных, архаических элементов мысли, чувства и влечения. Репродукция подобных элементов, которые сплошь имеют ретроспективный характер, как ничто другое пригодно к тому, чтобы заметно и действительно подорвать слишком высокую позицию человека, осадить индивида до его человеческой ничтожности и низвести его до физиологической, исторической и филогенетической обусловленностей. Всякая видимость ложного величия рассыпается в прах перед редуцирующими образами сновидения, которое анализирует сознательную установку при помощи немилосердной критики и посредством воскрешения уничижительного материала (который характеризуется тем, что в нем досконально зарегистрировано все тягостное и всяческие слабости). Совершенно недозволительно обозначать функцию подобного сновидения как перспективную, ибо все в нем, вплоть до последних фибр души, ретроспективно и обращено вспять к давным-давно преданному забвению химерическому прошлому. Это обстоятельство, конечно, не препятствует тому, что содержание сновидения является все таким же компенсаторным по отношению к содержанию сознания и, конечно же, финально ориентированным, ведь в данном случае

редуцирующая тенденция касательно приспособленности индивида приобретает совершенно особую важность. Самый же характер содержания (сновидения) является редуктивным. Часто бывает так, что пациенты сами спонтанно чувствуют, как соотносится содержание сновидения с положением сознания, и сообразно с этим познанием (полученным соразмерно с чувством) содержание того или иного сновидения ощущается или как проспективное, или как редуктивное, или как компенсаторное. Бывает и так, правда, далеко не во всех случаях, — и это следует даже особо подчеркнуть — что в общем и целом, особенно в начале аналитического лечения, пациент имеет неодолимую склонность упорно понимать результаты аналитического исследования своих материалов в смысле своей патогенной (причиняющей болезнь) установки. В подобных случаях необходима известная поддержка со стороны врача, чтобы достичь того положения, когда возможно правильное понимание сновидения. Это состояние является чрезвычайно важным, так как врач выносит суждения о сознательной жизни пациента. Ведь анализ сновидений — это не только практическое применение некоего метода, которому научаются словно ремеслу; этот метод, скорее, предполагает некую интимность и уверенность к аналитическому способу воззрения в целом, — ту уверенность, которой можно достичь лишь подвергнув себя самому такому анализу. Величайшая ошибка, которую может сделать терапевт, состоит в том, что он предполагает у анализируемого психологию, подобную своей собственной. Иной раз такая проекция может сбыться, но в большинстве случаев она все же остается только проекцией. Ведь все бессознательное проецируется; поэтому, по меньшей мере, наиважнейшие содержания бессознательного должны осознаваться самим аналитиком с тем, чтобы бессознательная проекция не спутала его суждений. Всякому, кто анализирует сновидения других людей, следовало бы постоянно напоминать себе и твердо помнить, что не существует никакой простой и общеизвестной теории психических феноменов — ни об их сущности, ни об их причинах, ни об их цели. Посему мы не обладаем никаким всеобщим масштабом суждений. Мы знаем, что существует бесчисленное множество психических феноменов. Что же касается их сущности, то об этом нам неведомо ничего. Мы знаем только, что рассмотрение психики с какой-нибудь уникальной точки зрения может дать совершенно бесценные подробности, но это никогда не будет всеохватывающая теория, к которой можно было бы дедуктивно свести все и вся. Сексуальная теория и теория желаний, равно как и теория власти, суть достойные всяческой похвалы точки зрения, и все же они не в состоянии дать правильное представление о глубине и богатстве человеческой души. Если бы мы имели подобную теорию, то тогда мы вполне могли бы довольствоваться ремесленным поучением какому-то методу. Тогда можно было бы просто считывать определенные приметы и знаки, приуроченные к вполне определенным и установленным содержаниям, а для этого пришлось бы просто заучить наизусть некоторые семиотические правила. Знание и правильное суждение о положении сознания было бы тогда излишним, как при *Lumbalpunktion*. К прискорбию практиков нашего времени, много занимающихся терапией, душа ведет себя слишком строптиво и не поддается никакому из тех методов, которые предвзято исходят из предположения, будто ее (душу) можно постичь, исходя из **одной** точки зрения, невзирая на все прочие. О содержаниях бессознательного знаем мы прежде всего только то (помимо их подпороговости), что они находятся в компенсаторном отношении к сознанию и потому, по существу, имеют соотносительную природу. Посему для понимания сновидений неизбежно требуются сведения о положении сознания.

Редуктивными, проспективными и в конечном счете компенсирующими сновидениями не исчерпывается вереница возможностей толкования. Существуют сновидения, которые можно было бы просто обозначить как **реактивные**. Многие склоняются, вероятно, к тому, чтобы занести в эту рубрику все те сновидения, которые кажутся, по существу, не чем иным, как репродукцией какого-то осознаваемого аффективного переживания, откуда анализ подобных сновидений не откроет более глубокой основы, почему это переживание было с такой точностью репродуцировано в сновидении. Между тем оказывается, что переживание обладает еще и некой символической стороной, которая ускользнула от индивида, и что

переживание репродуцируется в сновидении исключительно ради этой стороны. Стало быть, эти сновидения принадлежат не к данному разряду; к нему относятся лишь те, где определенные объективные процессы вызвали психическую травму, формы которой суть не только психические, но которые одновременно предвещают и поражение нервной системы. Такие случаи тяжелого шока вдоволь породила война; и в подобных случаях следовало бы ожидать особенно много чисто реактивных сновидений, в которых травма представляет собой более или менее решающую детерминанту.

Хотя для общей функции психики несомненно крайне важно, что травматическое содержание постепенно — посредством частотных переживаний — утрачивает свою автономию и таким образом опять встраивается в психическую иерархию, все же подобное сновидение (которое, по существу, является только репродукцией травмы) нельзя назвать компенсаторным. Лишь кажется, что сновидение возвращает отколовшийся, автономный кусок психики, однако вскоре оказывается, что сознательная ассимиляция кусков, репродуцируемых сновидением, ни в коем случае не приводит к исчезновению того потрясения, что служило детерминантой сновидения. Сновидение продолжает спокойно "репродуцировать"; другими словами, содержание сновидения (ставшее автономным) действует само по себе и столь долго, пока травматическое раздражение не угаснет полностью. До этого момента никакая сознательная "реализация" ничего не дает.

В практическом случае совсем нелегко решить, является ли сновидение, по существу своему, реактивным или же оно только символически репродуцирует некую травматическую ситуацию. При помощи анализа, однако, этот вопрос можно разрешить, так как в последнем случае верное толкование тотчас приведет к прекращению репродукции травматической сцены, в то время как для реактивной репродукции анализ сновидения не является помехой.

Само собой разумеется, что мы сталкиваемся с подобными реактивными сновидениями особенно часто при **болезненных телесных состояниях**, когда, к примеру, жестокие боли решающим образом влияют на течение сновидения. По моему мнению, соматические раздражения лишь в исключительных случаях имеют дефинитивное значение. Обыкновенно они всецело обретают символическое выражение в бессознательном содержании сновидения, другими словами, эти раздражения используются в качестве средства выражения. Нередко также сновидения выявляют крайне примечательную внутреннюю символическую связь между неким, несомненно телесным, заболеванием и определенной душевной проблемой, причем физическое расстройство оказывается прямо-таки мимическим выражением психического положения. Я упоминаю об этом диковинном обстоятельстве более ради полноты картины, а вовсе не для того, чтобы привлечь внимание к этой области проблем. Однако мне кажется, что между физическими и психическими расстройствами существует известная взаимосвязь, значение которой — в общем и целом — недооценивается; с другой же стороны, эта взаимосвязь столь же безмерно переоценивается в том случае, когда известные физические расстройства пытаются понять только как выражение психических нарушений, что, к примеру, мы видим в Christian Science. В отблеске сновидений высвечиваются очень интересные аспекты, касающиеся вопроса о совместном функционировании тела и психики; вот, собственно, почему я упомянул здесь этот вопрос.

В качестве следующей детерминанты сновидения я должен признать **телепатические феномены**. Общая фактология этих феноменов на сегодня уже не вызывает сомнения. Само собой разумеется, что очень просто оспаривать существование этих феноменов без проверки имеющихся в наличии доказательных материалов; этот образ действия в такой мере ненаучен, что он не заслуживает никакого внимания. Я узнал на собственном опыте, что телепатические феномены очень даже влияют на сновидения, что, впрочем, твердили уже в незапамятные времена. Определенные лица особенно чувствительны в этом отношении, и нередко они имеют сновидения, обусловленные телепатически. Однако из признания телепатических феноменов не следует, по-моему, что безусловно следует признать ходячее теоретическое воззрение на сущность *actio in distans*. Феномен существует несомненно, и все же теория не кажется мне столь простой. Во всяком случае нужно отнестись с вниманием к

возможности конкордации ассоциаций, т. е. к возможности параллельного психического течения¹, что, бесспорно, играет весомую роль в семьях и что манифестирует себя (помимо всего прочего) в тождественности или в значительном подобии установок. Точно так же следует с вниманием отнестись к фактору **криптомнезии**, на который в особенности указывал Флурнау² и который порою вызывает удивительнейшие феномены. Так как в сновидении сублиминальный материал и без того делается приметным, то несколько не кажется странным, что криптомнезия подчас выступает как детерминирующая величина. Мне нередко доводилось анализировать телепатические сновидения, и среди них многие, телепатическое значение которых на момент анализа было еще не известно. В ходе анализа получался некий субъективный материал, как и при всяком ином анализе сновидений, и при этом сновидение имело свое значение, согласующееся с сиюминутным положением субъекта. В анализе не было получено ничего, что могло бы указывать на то, что сновидение было телепатическим. До сих пор я не нашел ни одного сновидения, в котором телепатическое содержание несомненно присутствовало бы в материале ассоциаций, поставляемом анализом (в "латентном содержании сновидения"). Это содержание всегда находилось в **манифестируемой** форме сновидения.

1 Cp. Furst. Statistische Untersuchungen über Wortassoziationen und über familiäre Überinstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten. S. 95.

2 Des Indes à la planète Mars. Nouvelle observations sur un cas de somnambulisme avec glossolalie.

Обычно в литературе о телепатических сновидениях упоминаются только те, в которых "телепатически" антиципируется особо эффективное обстоятельство (во времени или в пространстве), где важность происшествия в общечеловеческом смысле (к примеру, случай смерти) в какой-то мере объясняет его предугадывание или перцепцию на расстоянии, или же где, по меньшей мере, это обстоятельство как бы подкрадывается сзади и предуготовливает понимание. Те телепатические сновидения, которые я наблюдал, в большинстве случаев соответствуют этому образцу. Меньшее же число характеризуется как раз тем удивительным свойством, что манифестируемое содержание сновидения содержит некое телепатическое констатирование, которое относится к чему-то совершенно незначимому, что не имеет никакого касательства к сновидцу, например, лицу незнакомого и совершенно индифферентного человека, или к какой-то расстановке мебели в совершенно индифферентном месте и при индифферентных условиях, или к получению незначимого письма и т. д. Констатируя эту незначительность, я, конечно же, только хочу сказать, что ни посредством обычных расспросов, ни посредством анализа я не натолкнулся на то содержание, значимость которого могла бы "оправдать" телепатический феномен. В подобных случаях еще скорее, чем в ранее упомянутых, можно было бы подумать о так называемой нечаянности. К сожалению, гипотеза нечаянности представляется мне, однако, всегда *asylum ignorantiae*. То, что происходят крайне редкостные нечаянности, конечно, никто не будет оспаривать, однако если мы рассчитываем на повторение этих нечаянностей с некоторой вероятностью, то тем самым исключаем их случайную природу. Конечно, я никогда не стану утверждать, что закон, лежащий в их основе, есть нечто "сверхъестественное"; это лишь то, за чем не поспевает наша школьная премудрость. Так же и телепатические содержания, вызывающие массу вопросов, имеют характер действительности, которая глумится над всяческими вероятностными ожиданиями. Ни в коей мере я не дерзнул бы высказать свое собственное теоретическое мнение относительно данных вещей, однако я все же считаю правильным, когда эту фактичность признают и даже настаивают на ней. Для исследования сновидений эта точка зрения сулит выигрыш¹.

1 К вопросу о телепатии сошлюсь на Rhine. "New Frontiers of Mind" (по-немецки: Neuland der Seele).

В противоположность известному мнению Фрейда на сущность сновидения, будто оно есть "исполнение желаний", я сам, а также мой друг и коллега Альфонс Мэдер приняли точку зрения, согласно которой сновидение есть **спонтанное самоизображение**

актуального положения бессознательного в символической форме выражения. В этом пункте наше воззрение соприкасается с ходом мыслей Зильберера¹. Это совпадение с Зильберером тем более отрадно, что оно представляет собой результат взаимно независимой работы.

¹Ср. работы Silbeber об "образовании символа" в: *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* III и IV (1912).

Это воззрение прекословит фрейдовской формуле прежде всего в том, что оно отрицает правомочность какого-то определенного высказывания о смысле сновидения. Наша формула утверждает прежде всего то, что сновидение есть лишь символическое изображение какого-то бессознательного содержания. Она оставляет открытым вопрос: является ли это содержание всегда только исполнением желания. Последующие разыскания, на что, кстати, категорически указывает Мэдер, ясно обнаружили, что сексуальный язык сновидений отнюдь не всегда следует понимать конкретным образом², другими словами, речь идет об архаическом языке, который, конечно же, пополнен всеми ближайшими аналогиями, однако этими содержаниями вовсе не обязательно прикрывается также нечто действительно сексуальное. Поэтому нельзя оправдать, что сексуальный язык сновидения (при всех обстоятельствах) принимается как конкретный, в то время как прочие содержания объясняются символически. Когда же сексуальные формы языка сновидения понимают как символы неизвестных вещей, тут же углубляется представление о сущности сновидения. Мэдер превосходно и доступно показал это на практическом примере, заимствованном у Фрейда³. Покуда сексуальный язык сновидения понимается буквально, существует только непосредственное, внешнее и конкретное решение или же соответствующее этому ничегонеделание, т. е. оппортунистическая резиньяция или же обыкновенное

² Здесь мы согласны с Адлером.

³ Maeder. *Traumproblem* S. 680 ff.

малодушие и леность. Однако это не приводит к постижению проблемы и к установке по ее разрешению. К постановке же проблемы немедленно приходят после того, как отказываются от недоразумения, связанного с конкретным толкованием, и именно от буквального понимания бессознательного сексуального языка и от толкования фигур сновидения как реальных лиц.

Так же, как мы склонны признать, что мир есть таков, каким мы его видим, мы наивно принимаем, что люди таковы, какими они нам представляются. К сожалению, в последнем случае не существует еще никакой физики, которая доказала бы несоразмерность между восприятием и действительностью. Хотя возможность грубого обмана здесь во много раз больше, чем при чувственном восприятии, мы все же проецируем — безбоязненно и наивно — нашу собственную психологию на наших ближних. Каждый из нас создает себе таким образом ряд более или менее воображаемых отношений, которые, по существу, покоятся на подобных проекциях. Среди невротиков это встречается очень даже часто, для них фантастические проекции, так сказать, являются единственной возможностью человеческих отношений. Человек, которого я воспринимаю главным образом посредством моей проекции, есть имаго, или же носитель имаго и символа. Все содержания нашего бессознательного неизменно проецируются на наше окружение, и только если мы можем прозреть определенные своеобразия нашего объекта как проекции, нам удастся отделить их от действительных свойств этого объекта. Если же проекционный характер какого-то свойства объекта не стал осознаваемым, нам не остается ничего иного, кроме как быть наивно убежденными, будто это свойство, действительно, принадлежит объекту. Все наши человеческие отношения кишат подобными проекциями; и кому не удастся это уяснить на чем-то своем, личном, пусть внимательно посмотрит на психологию прессы тех стран, которые вступили в войну. *Cum grano salis* всегда усматривают собственные непризнанные ошибки у противника. Прекрасные примеры этому можно найти во всякой личной полемике. Кто не обладает из ряда вон выходящим саморазумием, тот не подыметься над своими проекциями, а будет, по большей части, пребывать под ними, — ведь естественное духовное

состояние предполагает наличие таких проекций. Это естественно и является данностью: бессознательные содержания проецируются, это создает у относительно примитивного человека ту характерную отнесенность к объекту, которую Леви-Брюль так метко обозначил как "мистическая идентичность", или "мистическое соучастие"¹. Итак, всякий нормальный и размышляющий о себе в пределах обычного человек нашего времени, опутан целой системой таких проекций и привязан ими к окружению. Принудительный характер таких отношений (даже "магический" или "мистически-принуждающий") им совершенно не осознается, "покуда все обстоит благополучно". Если не наступает паранойяльное духовное расстройство, то эти бессознательные отнесенности, по характеру своему проекционные, выступают как принудительные пути, разукрашенные, как правило, бессознательными материалами, которые, однако, составляют содержание этих же проекций *nota bene* и в нормальном состоянии. Покуда жизненный интерес либидо может использовать эти проекции в качестве приемлемых и полезных мостов для связи с миром, до тех пор эти проекции составляют даже некое позитивное облегчение жизни. Когда же либидо желает пробить себе какой-то иной путь, отчего начинается движение вспять по прежним мосткам проекций, тогда эти проекции действуют как величайшая помеха, какую трудно себе даже помыслить, потому что они действительно и эффективно препятствуют всякому истинному освобождению от прежнего объекта. Тогда наступает характерный феномен: стараются (насколько возможно) обесценить или разнести вдребезги прежний объект как раз для того, чтобы можно было от него отвязать либидо. Но поскольку прежняя идентичность покоилась на проекции субъективного содержания, то полное и безостаточное отвязывание может совершиться только тогда, когда имаго, которое представляло собой объект, полностью будет возвращено и когда оно полностью возместит субъекту свое значение. Эта реституция происходит посредством сознательного познания проецированного содержания, т. е. посредством признания "символической ценности" прежнего объекта.

¹ Levy-Bruhl. "Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures". Р. 140. Достойно сожаления, что автор позднее изгнал это, столь меткое обозначение "мистический". Вероятно, оно было изъято под натиском глупцов, которые под "мистическим" понимают свою собственную чепуху.

То, что частота подобных проекций, как и их характер, никогда не признаются — факт безусловный. При таком положении дел вовсе не удивительно, что наивный разум с давних пор считает само собой разумеющимся, что, если во сне привиделся господин X, то этот сновидческий образ, названный "господином X", идентичен настоящему господину X. Эта предпосылка всецело соответствует всеобщему некритическому сознанию, не усматривающему никакого различия между объектом-в-себе и представлением, которое сложилось о данном объекте. При критическом рассмотрении — и это никто не может оспорить — сновидческий образ имеет лишь внешнее и весьма ограниченное отношение к объекту. В действительности же этот образ есть комплекс психических факторов, который сам себя образовал (конечно же, при определенных внешних побуждениях), и посему он существует в субъекте и состоит в основном из тех субъективных факторов, которые характерны для субъекта и которые зачастую к реальному объекту не имеют никакого отношения. Мы всегда понимаем другого таким образом, как мы понимаем или пытаемся понять самих себя. Что мы не понимаем в себе, то не понимаем и в других. Так уж все обустроено: образ другого, как правило, и по большей части, субъективен. Как известно, даже интимная близость ничуть не может гарантировать объективное познание другого.

Если же начинают с того, что попросту берут и объясняют некоторые манифестируемые содержания сновидения в качестве "несобственных" или "символических" (как это делается в школе Фрейда), например, сновидение говорит о колокольне, а подразумевает фаллос, то отсюда всего лишь один шаг до того, чтобы сказать, что сновидение часто говорит о "сексуальности", но отнюдь не всегда полагает под этим сексуальность, или также часто сновидение говорит об отце, но полагает под этим собственно самого сновидца. Наши *images* суть части нашего духа, и если наше

сновидение репродуцирует какие-либо представления, то это в первую очередь **наши** представления, из связанности которых соткана совокупность нашей сущности; это субъективные факторы, которые группируются в сновидении так или иначе вовсе не по внешним причинам, но из интимнейших порывов нашей души, выражая этим тот или иной смысл. Целостное творение сновидения по существу субъективно, и сновидение есть тот же театр, в котором сновидец является и сценой, и актером, и суфлером, и режиссером, и автором, и публикой, и критиком. Эта простая истина составляет основу того воззрения на смысл сновидения, которое я обозначил как толкование на **субъективной ступени**. Подобное толкование понимает все фигуры сновидения (о чем говорит сам термин) как персонифицированные черты личности сновидца¹.

1 Уже Maeder в Traumproblem привел несколько примеров толкования на субъектной ступени. Оба эти подхода к толкованию подробно обсуждаются в моем сочинении *Ober die Psychologie des Unbewussten* [Paragr. 128 f.].

Такое понимание не раз вызывало заметное противодействие. Аргументы одних основываются на наивной предпосылке нормального повседневного менталитета, которая уже обсуждалась ранее. Аргументы других базируются, скорее, на принципиальной проблеме: что важнее — "объектная ступень" или "субъектная ступень". Против теоретической вероятности субъектной ступени я, действительно, не могу придумать никакого значащего возражения. Вторая же проблема значительно труднее. Ведь образ любого объекта, с одной стороны, составлен субъективно, но с другой стороны, он объективно обусловлен. Когда я репродуцирую этот образ, то тем самым я порожаю нечто как субъективно, так и объективно обусловленное. Теперь, для того чтобы решить, какая из сторон в каждом конкретном случае перевешивает, должно прежде всего доказать, был ли образ репродуцирован ради своего субъективного или объективного значения. Так, если мне снится какой-то человек, с которым меня связывает некий витальный интерес, тогда (скорее всего) напрашивается толкование на объектной ступени, чем на субъектной. Если же я, напротив, вижу во сне человека индифферентного и в реальной жизни далеко от меня отстоящего, то естественнее будет толкование на субъектной ступени. Однако столь же возможно — и на практике такое происходит очень часто — сновидцу по поводу индифферентного человека тотчас приходит на ум некто, с кем он аффективно связан. В былые времена, верно, сказали бы, что индифферентный облик выдвинулся в сновидении на передний план, по-видимому, для того чтобы заслонить мучительность какой-то другой фигуры. В таком случае я порекомендовал бы придерживаться естественного пути и сказать: в сновидении, очевидно, та самая эффективная реминисценция была заменена безразличным мне господином X с тем, чтобы намекнуть мне на необходимость толкования на субъектной ступени. Эта замена означает некое действие сновидения, которое эквивалентно, конечно же, вытеснению мучительной реминисценции. Но если эту реминисценцию удастся так гладко и легко отодвинуть в сторону, то она не может быть такой уж важной. Ее замена свидетельствует, что этот личностный аффект может быть деперсонализирован. Стало быть, я сумел его превозмочь и посему впредь я никогда не вернусь в это личностно-связанное положение аффекта (обесценив деперсонализацию, закончившуюся в сновидении так удачно, будто это всего лишь вытеснение). Я полагаю, что было бы правильнее, если бы я счел удавшееся замещение мучительного лица на какое-то мне индифферентное за деперсонализацию личностного до сих пор аффекта. Благодаря этому ценность данного аффекта, т. е. соответствующая сумма либидо, стала неличностной, другими словами, она освободилась от личной прикованности к объекту, и потому отныне я могу реальный ранее конфликт поднять на субъектную ступень и попытаться понять, в какой мере этот конфликт является исключительно субъективным конфликтом. Я хотел бы для большей ясности разобрать это одним кратким примером:

Однажды я имел личный конфликт с неким господином А., причем постепенно я пришел к убеждению, что он не прав в большей мере, чем я. В это самое время я увидел следующий сон:

"Я консультируюсь по какому-то делу у одного адвоката: тот требует за эту консультацию, к моему безграничному изумлению, не менее, чем 5000 фр., против чего я энергично восстаю".

Адвокат — совершенно незначущая фигура реминисценции из времен моего студенчества. Однако студенческие годы — важные, потому что тогда я участвовал во многих диспутах и дискуссиях. По поводу бесцеремонной манеры адвоката мне пришла на ум личность господина А. (вызвав аффект), а также все еще продолжающийся наш конфликт. Теперь я могу продолжить толкование на объектной ступени и сказать: "За адвокатом кроется господин А., следовательно, господин А. требует от меня нечто, превышающее всякую меру. Он не прав. На днях один бедный студент просил меня одолжить ему 5000 фр. Стало быть г. А. — это бедный студент, нуждающийся в помощи и некомпетентный, ибо он только начинает свое обучение. Итак, такому как он не пристало притязать на что-либо или иметь мнение. В том, видимо, и состояло исполнение моего желания: противник был мягко обесцenen, отодвинут в сторону, мне было возвращено спокойствие. В действительности, на этом месте сновидения же я проснулся в чрезвычайно бурном аффекте по поводу наглости адвоката. Таким образом, я нисколько не был утешен этим "исполнением желания".

Разумеется, за адвокатом кроется афера с А. Примечательно, однако, что сновидение вытянуло именно того индифферентного студента из моих студенческих лет. Мои наития по поводу адвоката: судебный спор, упорство, несговорчивость — и — то самое воспоминание из студенческих лет, когда я часто (правомочно или без всякого права, упрямо и несговорчиво) отстаивал свой тезис, чтобы по крайней мере добиться видимости превосходства. Именно это обстоятельство — что я сразу же почувствовал — принимало участие в конфликте с г. А. Таким образом я узнал, что это я сам, а именно присутствие во мне непринор овившегося кусочка, есть то, что упорно, как и тогда, требует от меня лишнего, т. е. вымогает и хочет выдавить из меня слишком много либидо. Я знаю, таким образом, что спорный вопрос с А. не может умереть во мне, потому что неуступчивость во мне все еще обеспокоена "справедливым" разрешением спора.

Такое воззрение привело к результату, показавшемуся мне вполне осмысленным, в то время как толкование на объектной ступени было непродуктивным, и посему, что касается меня, такое толкование менее всего является доказательством того, что сновидения суть исполнения желаний. Если же сновидение указывает мне, какую ошибку я совершил, то тем самым оно создает возможность улучшить мою установку, что всегда является преимуществом. Однако достичь подобного результата можно, конечно же, только в том случае, если применять толкование на субъектной ступени.

Насколько просветляющим может быть толкование на субъектной ступени в одном случае, настолько же ничемным оно может быть в другом случае, и именно тогда, когда жизненно важное отношение составляет содержание и причину конфликта. В этом случае фигуру сновидения, конечно же, нужно соотносить с реальным объектом. Критерий всякий раз возможно уяснить, исходя из сознательного материала, за исключением тех случаев, когда речь идет о переносе. Перенос очень легко вызывает обманные суждения, так что врач порою оказывается абсолютно необходимым в качестве *deus ex machina* или столь же неизбежным *requisit* действительности. Он и является таковым по отзыву пациента. Только раздумье врача о самом себе позволяет ему в подобных случаях решить, в какой степени именно он сам составляет реальную проблему для пациента. Как только объектная ступень толкования начинает становиться монотонной и безрезультатной, так сразу наступает момент, когда фигуру врача следует понимать как некий символ проецированных содержаний, — тех, что принадлежат пациенту. Если этого не сделать, то аналитику не останется ничего иного, кроме как обесценивать перенос (редуцируя его к инфантильному желанию и тем самым разрушая его) или же принимать перенос как нечто реальное и принести себя в жертву пациентам (даже вопреки их бессознательному противлению); при этом все участники окажутся обделенными, и врачу, как обычно, придется хуже всех. Если же удастся поднять фигуру врача на субъектную ступень, тогда можно будет вновь вручить

пациенту все перенесенные (проецированные) содержания вместе с их изначальной ценностью. Пример такого возврата проекций в ходе переноса имеется в моем сочинении "Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten"¹.

¹Что касается проекций при переносе см. Jung " Die Psychologie der Obertragung".

Мне представляется совершенно очевидным, что всякий, кто сам не является практикующим аналитиком, навряд ли найдет удовольствие в рассуждениях об "объектной" и "субъектной" ступенях. Тем не менее, чем глубже мы занимаемся проблемой сновидений, тем более должна приниматься в расчет техническая точка зрения по поводу практической процедуры лечения. В этом деле требуется то самое неумолимое понуждение, которое всегда оказывает на врача всякий тяжкий случай, потому что постоянно нужно размышлять и держать в голове, как бы усовершенствовать свои средства так, чтобы они могли помочь в тяжелых случаях. Этому мы обязаны трудностям повседневного лечения больных, трудностям, вынудившим нас прийти к воззрениям, которые отчасти потрясают самые основания нашего обыденного менталитета. Хотя субъективность имаго есть так называемая прописная истина, все же эта констатация выглядит несколько философически, что для некоторых ушей звучит неуютно. Это происходит так как раз из обсуждаемого ранее факта, а именно из наивной предпосылки, которая безоговорочно идентифицирует имаго с объектом. Всякое нарушение такой предпосылки действует раздражающе на подобный класс людей. По той же самой причине мысль о субъектной ступени вызывает у них антипатию, — ведь она нарушает наивную предпосылку об идентичности содержания сознания с объектами. Наш менталитет характеризуется тем (как отчетливо продемонстрировали события военного времени¹), что мы с бесстыдной наивностью судим о противнике и в суждении, которое мы высказываем о нем, мы предаем огласке наши собственные дефекты. Да, так оно и есть: противника просто упрекают в собственных, непризнанных ошибках. В другом видят все, критикуют и осуждают другого, другого хотят улучшить и воспитать. Вовсе нет необходимости приводить примеры для доказательства этих утверждений: наилучшие доказательства можно найти во всякой газете. Само собой разумеется, что то, что совершается в большом масштабе, происходит также в малом, в каждом отдельном человеке. Наш менталитет все еще очень примитивен, потому что он лишь в некоторых функциях и областях высвободился из изначальной мистической идентичности с объектом. У примитива при минимуме раздумий о себе — максимум отнесенности к объекту, что может оказывать даже прямое магическое принуждение. Вся примитивная магия и религия зиждутся на этих магических объект-отношениях, которые состоят не в чем ином, кроме как только в проекциях бессознательных содержаний на объект. Из этого начального состояния идентичности постепенно развивается раздумье о себе, вместе с которым рука об руку идет и различение субъекта объекта. Следствием этого различения было прозрение того, что некоторые ранее наивно причисленные объекту свойства в действительности суть субъективные содержания. Человек античности уже не верил, будто он является красным попугаем или братом крокодила, однако он был еще вплетен в магическую паутину. В этом отношении лишь Просвещение XVIII столетия сделало существенный шаг вперед. Между тем известно каждому, сколь далеки мы еще в нашем самораздумье от действительного знания о самих себе. Когда мы сердимся на кого-либо до беспамятства и до безрассудства, то ничто не в состоянии нас разубедить, что не стоит искать причину нашего гнева целиком и полностью вовне, в какой-либо рассердившей нас вещи или в человеке. Таким образом мы признаем за какой-то вещью власть, которая может привести нас в состояние гнева, а при известных обстоятельствах вызвать даже расстройства сна и пищеварения. Поэтому мы без страха и без удержу осуждаем предмет преткновения и тем самым посрамляем какой-то бессознательный кусочек в нас самих, — тот, который оказался проецированным на рассердивший нас объект.

¹Первая мировая война.

Имя подобным проекциям — легион. Отчасти они благоприятны, т. е. они в качестве мостков для либидо действуют облегчающим образом; отчасти они неблагоприятны, хотя

практически и не принимаются в расчет в качестве препятствия, потому что неблагоприятные проекции в большинстве своем выдворяются из круга интимных отношений. Невротик составляет, конечно же, исключение: у него (сознательно или бессознательно) столь интенсивное отношение с ближайшим окружением, что он не в состоянии помешать неблагоприятным проекциям влиться в ближайшие объекты и тем самым возбудить конфликт. Поэтому он принужден — если ищет исцеления — вникать в свои примитивные проекции в значительно большей мере, чем это делает нормальный человек. Последний создает точно такие же проекции, но они только лучше отделены; для благоприятных проекций — это объект в непосредственной близости, для неблагоприятных — намного более удаленный. То же самое, как известно, бывает и у примитивов: чужой — враждебный и злой. У нас еще в позднем средневековье "чужбина" была идентична "злополучию и изгнанию". Эта расстановка проекций целесообразна, почему нормальный человек и не ощущает никакой надобности в том, чтобы сделать свои проекции сознательными (несмотря на то, что состояние его опасно в своей иллюзорности). Психология войны отчетливо выявила это обстоятельство: все, что делает собственная нация, — хорошо, а все, что делает другая, — плохо. Центр всяческой подлости и пошлости всегда находится на расстоянии в несколько километров за вражеской линией. Ту же самую примитивную психологию имеет каждый человек в отдельности, а посему любая попытка сделать эти испокон веков бессознательные проекции — сознательными ощущается как возбуждающая и будоражащая. Мы, разумеется, хотели бы иметь лучшие отношения со своими ближними, но, конечно же, только при одном условии: если ближние соответствуют нашим ожиданиям, т. е. если они являются добровольными носителями наших проекций. Когда же такие проекции становятся осознаваемыми, то очень скоро наступает осложнение в отношениях с другим человеком, потому что отсутствует мосток для иллюзий, по которому могли бы любовь и ненависть избавительно отступить и по которому можно было бы перевести на другого человека все те мнимые добродетели, что "возвышают" и "улучшают" другого. В результате такого осложнения возникает запружение либидо, из-за чего неблагоприятные проекции становятся осознанными. Тогда перед субъектом встает задача: все то подлое, соответственно, всю ту чертовщину, которую безо всяких колебаний ранее препоручали другому и из-за чего негодовали и гневились на протяжении долгой жизни, принять на свой собственный счет. Эта процедура вызывает раздражение, так как, с одной стороны, существует убежденность, что, если бы все люди так поступили, то жизнь была бы существенно более сносной, а с другой — ощущается самое жесткое сопротивление против того, чтобы этот принцип применить к самому себе, и без шуток, на полном серьезе. Кабы это сделал кто другой, то уж нечего и желать лучшего; если же должен сделать я сам, то это непереносимо.

Невротик **принужден**, конечно же, своим неврозом сделать такой шаг вперед; нормальный человек — нет; за это последний переживает свое психическое расстройство в качестве социального и политического: в формах массовых психологических явлений, к примеру, в форме войн и революций. Реальное существование врага, на которого можно навесить всю злобу, означает несомненное облегчение совести. По крайней мере не колеблясь можно сказать, кто есть черт, т. е. ясно увидеть, что причина злого рока находится вовне, а не где-то там в собственной установке. Как только мы даем себе отчет о неприятных результатах после того, как пришли к постижению на субъектной ступени, тут же навязывается возражение и мы начинаем прекословить, что-де все-таки невозможно всякое дурное качество, возмущающее нас в других, причислять самому себе. Таким образом величайший моралист, тот фанатичный воспитатель и реформатор мира, оказывается, верно, в самом скверном положении. О соседстве добра и зла можно было бы много чего сказать, да и вообще о непосредственном соотношении пары противоположностей, но это увело бы нас слишком далеко от темы.

При постижении на субъектной ступени, само собой разумеется, нельзя превышать некую меру. Речь тут идет только о том, чтобы критически отмерить и взвесить то, что

принадлежит объекту и субъекту. То, что мне бросается в глаза в объекте, действительно может быть свойством этого объекта. Однако, чем более субъективным и аффективным является это впечатление, тем скорее следует понимать это свойство как проекцию. При этом мы должны крепко держаться существенного различия между действительным свойством, имеющимся у объекта (без которого проекция на объект была бы невозможной), и ценностью или значением, соответственно, энергией этого свойства. Совершенно не исключено, что некое свойство проецируется на объект, в то время как в действительности в объекте налицо лишь едва заметные следы этого свойства (к примеру, проекция магических качеств на неодушевленные объекты). Иначе обстоит дело с обычными проекциями черт характера или сиюминутных установок. В этих случаях часто бывает так, что объект проекции дает некий повод или даже провоцирует эту проекцию. Последнее бывает тогда, когда это свойство не осознается самим объектом, из-за чего это свойство действует на бессознательное другого человека. Потому что все проекции вызывают контрпроекции там, где объектом не осознаются свойства, проецируемые субъектом, — точно так же, как аналитик отвечает на перенос контрпереносом, если перенос проецирует некое содержание, которое не сознаваемо самим врачом, хотя и наличествует в нем¹. Этот контрперенос посему столь же целесообразен и полон смысла (или же является чем-то затруднительным и стеснительным), как и контрперенос пациента, потому что этот контрперенос стремится установить тот оптимальный раппорт, который необходим для реализации определенных бессознательных содержаний. Контрперенос, так же как и перенос, есть нечто принудительное, некая несвобода, потому что он означает "мистическую", т. е. бессознательную, идентичность с объектом. Против подобных бессознательных пут постоянно возникают противления, — сознательные, если субъект настроен так, что он намерен отдавать свое либидо только добровольно, а не выманивать это либидо и не заниматься его вымогательством; бессознательные, если субъекту милее, чтобы у него это либидо отняли. Поэтому перенос и контрперенос создают — поскольку их содержание остается бессознательным — аномальные и несносные отношения, которые нацелены на свое собственное уничтожение.

10 типичных содержаниях проекций см. *Die Psychologie der Übertragung*.

Однако если в объекте можно разыскать лишь едва заметные следы проецируемого свойства, то практическое значение проекции является чисто субъективным, и она ложится тяжелым бременем на субъекта: ведь своими проекциями он как бы одалживает или ссужает объект чрезмерным значением тот объект, у которого имеются лишь наметки данного свойства.

Если проекция действительно соответствует некоему свойству, имеющемуся у объекта, то проецируемое содержание существует так же и у субъекта, составляя часть имаго объекта. Собственно имаго объекта есть некая величина, психологически отличная от восприятия объекта; это имаго есть образ², существующий наряду со всяческим восприятием и все-таки на основе этого восприятия; самостоятельная жизненность этого образа (относительная автономия) остается бессознательной до тех пор, пока это имаго полностью и всецело не совпадет с действительной жизненностью объекта. Посему самостоятельность имаго не признается сознанием, но бессознательно проецируется на объект, т. е. контаминирует с самостоятельностью объекта. Поэтому объекту по праву причитается (по отношению к субъекту) прямо-таки принудительный характер чего-то действительного, иначе говоря, некая чрезмерная валентность. Эта ценность покоится на проекции, соответственно, на априорной идентичности имаго с объектом, благодаря чему внешний объект становится также и внутренним. Так внешний объект (бессознательным путем) может оказывать непосредственное душевное воздействие на субъекта, причем, благодаря своей идентичности с имаго объект в некоторой степени даже непосредственно прикладывает руку к душевным побудительным пружинам субъекта. Тем самым объект приобретает "магическую" власть над субъектом. Отменные тому подтверждения можно найти у примитивов, которые, к примеру, обращаются со своими детьми или с прочими "одушевленными" предметами точно

так же, как со своей собственной психикой. Они не отваживаются сделать ничего против них из страха оскорбить душу ребенка или душу объекта. Поэтому их дети остаются нетронутыми воспитанием (насколько это возможно) вплоть до пубертатного возраста, когда вдруг предпринимается некое, часто очень жестокое воспитание — как бы вдогонку (инициация).

2Только из соображений полноты изложения я должен упомянуть, что никакое имаго никогда не происходит только извне. Априорно существующая психическая диспозиция, а именно **архетип** накладывает на него свой специфический облик.

Выше я уже говорил, что самостоятельность имаго остается бессознательной, потому что эта самостоятельность имаго отождествляется с самостоятельностью объекта. Соответственно этому смерть объекта скорее всего должна запускать странные психологические последствия: ведь объект не полностью исчезает, а продолжает существовать, но только в непостижимой форме. Известно, что это действительно так. Бессознательное имаго, которое более уже не соответствует объекту, становится духом умершего и оказывает теперь воздействия на субъекта, которые нельзя понять иначе, кроме как психологические феномены. Бессознательные проекции субъекта, которые перевели бессознательные содержания в имаго объекта и идентифицировали эти содержания с объектом, переживают реальную утрату объекта и играют значительную роль в жизни примитивов, как, впрочем, и у всех культурных народов древнейших и новейших времен. Эти феномены убедительно доказывают факт относительно автономного существования имаго объектов в бессознательном. Они, очевидно, потому находятся в бессознательном, что их никогда не рассматривали как нечто отличное от объекта.

Всякий прогресс, всякое достижение в понимании были связаны в истории человечества с прогрессом раздумий о самом себе: человек отделял себя от объекта и вел себя по отношению к природе как к чему-то от себя отличному. Посему психологическая установка, ориентирующаяся на новое, должна проделать тот же самый путь: ведь совершенно ясно, что идентичность объекта с субъективным имаго наделяет объект неким значением, которое ему, собственно говоря, не причитается, но которым он обладает испокон веков, потому что эта идентичность есть абсолютно изначальный факт. Это положение дел означает для субъекта некое примитивное состояние, которое может продолжаться до тех пор, пока оно не приведет к серьезным неудобствам. Чрезмерная валентность объекта есть как раз то, что очень даже может нанести ущерб развитию субъекта. Слишком сильно выделяющийся, "магический" объект ориентирует субъективное сознание преимущественно в смысле объекта и пресекает всякую попытку того индивидуального дифференцирования, которая, разумеется, должна была бы начаться с отвязывания имаго от объекта. Держаться этого направления индивидуального дифференцирования оказывается невозможным, если внешние факторы "магически" вмешиваются в субъективную душевную переработку. Отвязывание же этих имаго, которые ссужают объекты слишком большим значением, возвращает субъекту ту отколовшуюся энергию, столь настоятельно необходимую для его развития.

Понимание имаго сновидений на субъектной ступени имеет для современного человека то же самое значение, какое ощутил бы примитив, если бы у него отняли фигуры прародителей и фетишей и попытались втолковать ему, что "целебная сила" есть нечто духовное и спрятано не в объекте, а в человеческой психике. Примитив испытывает вполне легитимное противление против такого еретического воззрения, и точно также современный человек ощущает, что развязывание идентичности имаго и объекта, идентичности, освященной с незапамятных времен, — есть нечто неприемлемое, вероятно, даже нечто опасное. Едва ли мы представляем себе последствия такого развязывания для нашей психологии: не было бы более никого, кого можно было бы корить, делать ответственным, поучать, улучшать и наказывать! Напротив, перво-наперво пришлось бы начинать с самого себя, и притязания, которые мы выставляем другим, пришлось бы предъявить только и исключительно самому себе. При таком положении дел становится вполне понятным,

почему постижение имаго сновидений на субъектной ступени вовсе не является шагом, оставляющим безучастным, — как раз потому, что он дает повод к односторонностям и перегибам в обоих направлениях.

Невзирая на это затруднение (скорее моральное), существуют также некоторые препятствия на интеллектуальной ниве. Мне уже высказывали возражение, что толкование на субъектной ступени есть философская проблема и что реализация этого принципа наталкивается на мировоззренческие преграды и потому более уже не является наукой. Мне не кажется удивительным, что психология соприкасается с философией; ведь мышление, лежащее в основе философии, есть некий психический факт, который как таковой есть предмет психологии. В психологии я всегда думаю о целом охвате души, а тем самым и о философии, и о теологии и о многом другом. Потому что факты человеческой души противостоят всем философиям и религиям; эти факты, вероятно, являются конечной инстанцией, где выносится решение об истине и заблуждении.

Ведь для нашей психологии не столь уж важно, спотыкаются ли наши проблемы в той или иной области. Мы в первую очередь должны иметь дело с практическими надобностями. Если вопрос мировоззрения является психологической проблемой, то тогда мы должны заниматься им независимо от того, принадлежит психология к философии или не принадлежит. Точно так же вопросы религии суть для нас прежде всего психологические вопросы. То, что медицинская психология нашего времени в общем и целом стоит вдали от этих областей, является недостатком, вызывающим сожаление, этот недостаток становится особо ощутимым на том факте, что психогенные неврозы часто обретают лучшие возможности исцеления везде, где угодно, но только не в школярской медицине. Хотя я сам врач и должен был бы с полным основанием воздержаться от критики врача согласно принципу "*medicus medicum non decimat*", но все же я должен признать, что врачи далеко не всегда являются теми, в чьих руках психологическая медицина нашла себе наилучшее пристанище. По своему частому опыту я знаю, что психотерапевты-врачи пытаются реализовать свое искусство тем рутинным способом, который был им рекомендован во времена их своеобразного обучения. Медицинское обучение состоит, с одной стороны, в накоплении чудовищного по объему материала памяти, который просто запоминается без критического познания основ, а с другой — в накоплении опыта практических навыков, который должен приобретаться согласно принципу: "Нужно не размышлять, а брать дело в свои руки". Случилось так, что из всех факультетов на медицинском менее всего возможностей для развития функции мышления. Поэтому совсем неудивительно, что даже психологически ориентированные врачи либо вовсе не в состоянии следить за моими размышлениями, либо делают это с величайшим трудом. Они взяли себе за правило, вести себя согласно рецепту и механически применять те методы, которые не они сами придумали. Эта тенденция, однако, абсолютно непригодна для того, чтобы заниматься медицинской психологией, потому что ее адепты цепляются за клочки авторитетных теорий и методов, пресекая при этом развитие самостоятельного мышления. Так, я испытал, что даже элементарные и для практического лечения необычайно важные различия субъектной и объектной ступеней толкования, Я и Самости, знака и символа, каузальности и финальности и т. д. предъявляют слишком высокие требования к мыслительным способностям. Исходя из этого затруднения легко можно объяснить стойкую сохранность отсталых и уже давным-давно нуждающихся в ревизии воззрений. То, что это не только мое субъективное воззрение, доказывает фанатическая односторонность и закрытость (напоминающая сектантскую) некоторых "психоаналитических" организаций. Таковая установка, как всем известно, есть симптом и означает **сверхкомпенсирующее сомнение**. Но разве кто применит психологические критерии к самому себе?

Понимание сновидений как инфантильных исполнений желаний или как финально ориентированных arrangements на службе инфантильного стремления к власти слишком узко и не отвечает сущности сновидения. Сновидение, как и всякий кусочек психической связности, есть нечто результирующее всей цельности нашей психики; поэтому мы вправе

ожидать, что найдем в сновидении все то, что издревле имело значение в жизни человечества. Как человеческая жизнь сама по себе не ограничена только тем или иным базовым влечением, но устрояет себя на основе множества разнообразных влечений, потребностей, надобностей, физических и психических обусловленностей, так и сновидение нельзя объяснить, исходя лишь из того или иного элемента, каким бы подкупающе простым ни показалось подобное объяснение. Мы можем быть уверенными, что это объяснение неверно, так как никакой простой теории влечения никогда не будет под силу постичь человеческую душу, эту могущественную и таинственную вещь, а потому также и ее выражение, сновидение. Для того чтобы хоть в какой-то мере быть справедливым по отношению к сновидению, нам необходимо снаряжение (инструмент), которое мы должны усердно подбирать и составлять применительно к себе из всех областей наук о духе. Парой же посредственных остроумий или ссылкой на некие вытеснения проблему сновидений не разрешить.

Мое направление прямо попрекали в том, что оно — "философическое" (даже "телеологическое"), полагая, верно, при этом, что мои объяснения являются "философскими", а воззрения — "метафизическими"¹. Я же использую некоторые философские, религиозно-научные и исторические материалы исключительно для того, чтобы изобразить душевные взаимосвязанности. Если при этом я использую понятие Бога или столь же метафизическое понятие энергии, то я обязан это делать только потому, что это суть образы, которые находятся в человеческой душе со дней сотворения мира. Мне приходится вновь и вновь подчеркивать, что ни моральный закон, ни понятие Бога, ни какая бы то ни было религия не появились извне, т. е. не упали в некотором смысле на человека с неба, но что все это человек имеет в себе *in mīse*, а потому создает все это из самого себя. Не иначе, как досужей идеей является представление, будто требуется лишь просвещение, чтобы изгнать всех этих призраков. Идеи морального закона и божества относятся к неискоренимому фонду человеческой души. Поэтому каждая честная психология, не ослепленная спесивым просветительством, должна разбираться с этими фактами. От них нельзя уйти без объяснения или с иронией. В физике мы можем обходиться без образа Бога, в психологии же это некая дефинитивная величина, с которой следует считаться точно так же, как с "аффектом", "влечением", "матерью" и т. д. Все дело, конечно, в вечной перемешанности объекта и имаго, так как мы не можем помыслить себе различия между "Богом" и "имаго Бога", а посему полагаем, что когда мы говорим о Боге, то объясняем "телеологически", тогда как речь идет об "образе Бога". Психологии как науке не пристало требовать гипостазирования имаго Бога. Однако она должна принимать в расчет — соответственно фактам — наличное бытие образа Бога. Точно так же она принимает в расчет влечение, не присваивая себе права на констатацию того, что есть "влечение" само по себе. Какие психологические факты во всей их совокупности обозначаются как влечение, ясно каждому, неясно, однако, чем же, собственно говоря, является влечение само по себе. Так же ясно, к примеру, что образ Бога соответствует определенному психологическому комплексу фактов и тем самым представляет собой определенную величину, которой можно оперировать; однако вопрос, что есть Бог сам по себе?, остается по ту сторону психологии. Я сожалею, что вынужден повторять эти самоочевидности.

¹Под этим подразумевается учение об "архетипе". Или биологическое понятие "pattern of behaviour" также является "метафизическим"?

К настоящему моменту я сообщил приблизительно все, что имел сказать касательно общих взглядов на психологию сновидений¹. Я намеренно избегал деталей и не вдавался в подробности. Это должна оставить за собой казуистическая работа. Обсуждение общей точки зрения привело нас к другим проблемам, упоминание о которых неизбежно при описании сновидений. Конечно же, можно было бы сказать очень многое о цели анализа сновидений; так как анализ сновидений вообще-то является инструментом аналитического лечения, то сделать это возможно только в связи с изложением всего хода лечения. Для того чтобы иметь возможность основательно описать сущность лечения, совершенно необходимы

разнообразные наработки, которые с различных сторон атакуют эту проблему. Вопрос об аналитическом лечении — вопрос в высшей степени комплексный, хотя некоторые авторы стараются превзойти друг друга в упрощенчестве, желая уверить, что известные "корни" болезни можно "выдернуть". Что до меня, то мне было бы по душе, если бы серьезные головы основательно и добросовестно взялись за разбор тех больших проблем, которые в свое время анализ сдвинул с мертвой точки. Самое время академической психологии повернуться лицом к действительности и прислушаться к действительной человеческой душе, а не только проводить лабораторные эксперименты. Не следовало бы профессорам запрещать своим ученикам заниматься аналитической психологией или воспрещать им использовать аналитические понятия; не дело и ставить в упрек нашей психологии то, что она ненаучным образом "принимает во внимание обыденный опыт". Я знаю, что общая психология несказанно выиграла бы, если бы серьезно занялась проблемой сновидений, потому что только тогда она сумела бы освободиться от совершенно несправедливого и дилетантского предубеждения, будто сновидения вызываются исключительно соматическими раздражениями. Переоценка соматического в психиатрии — одна из существеннейших причин, почему психопатология не делает никакого прогресса, если она напрямую не оплодотворена анализом. Догмат о том, что "духовные болезни суть болезни мозга" есть пережиток материализма 70-х годов прошлого столетия. Он превратился в предрассудок, который ни на чем не основан и который тормозит всякий прогресс. Даже если бы это было верно и если бы все болезни духа были болезнями мозга, то все это нисколько не является контрпричиной против изучения психической стороны болезни. Этот предрассудок используется для того, чтобы с самого начала дискредитировать и замертво свалить всякую попытку поиска в этом отношении. Доказательство тому, будто все болезни духа суть болезни мозга, никогда не было приведено, да его никогда и не смогут привести, потому что в противном случае пришлось бы доказать, что человек мыслит или поступает тем или иным образом вследствие того, что те или иные частицы белка распались или соединились в тех или иных клетках. Подобный взгляд прямо ведет к материалистическому евангелию: "Что человек ест, то он и есть". Представители этой ориентации желали бы понимать жизнь духа как процессы ассимиляции или диссимиляции в клетках мозга, при этом сами процессы по необходимости мыслятся только как лабораторный синтез или дезинтеграция, потому что понимание этих процессов в качестве порождающих жизнь совершенно исключается до тех пор, пока мы не в состоянии проследить процесс самой жизни. Однако именно так следовало бы понимать процессы в клетках, покуда материалистическое мировоззрение оставляет за собой притязание на достоверность. Но тем самым материализм был бы преодолен, потому что никогда нельзя помыслить жизнь как функцию вещества, а только как процесс, существующий сам по себе и для себя самого, — процесс, который подчиняет и субординирует силу и вещество. Жизнь как функция вещества требует *generation agguivosa*. Подобного доказательства нам, наверно, предстоит еще долго дожидаться. Так же, как мы не вправе вообще понимать жизнь односторонне, произвольно и бездоказательно материалистически, не вправе мы и психику рассматривать только как процесс мозга, совершенно упуская из виду, что уже сама попытка представить себе что-либо подобное является сумасбродной и что всякий раз, как мы относимся к сумасбродству всерьез, оно выдает нам на-гора нечто сумасбродное. Напротив, психический процесс следует рассматривать именно как психический, а не как органический процесс в клетках. Как сильно возмущаются "метафизическими фантомами", если процессы в клетках объясняются виталистически; физическая же гипотеза слывет за "научную", хотя она фантастична ни в меньшей мере. Однако она подходит материалистическому предрассудку, и потому любая бессмыслица сакрализуется в качестве научной, если она пытается свести физическое к психическому. Надеюсь, что не слишком далеко то время, когда эта рутина заржавелого и ставшего бессмысленным материализма будет отринута представителями науки.

Перев. Т. Ребеко

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

